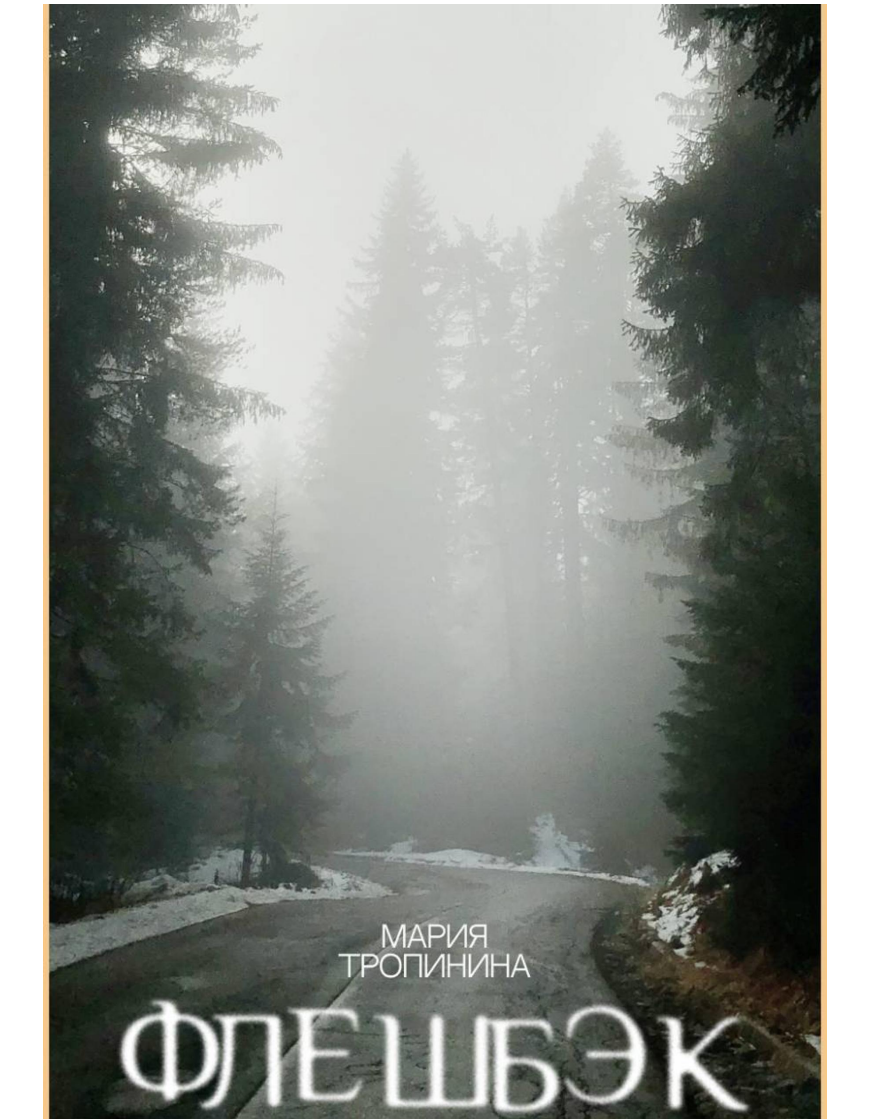

A photograph of a narrow, winding path through a dense forest of tall evergreen trees. The path is covered in a light layer of snow or frost. In the background, a small, multi-story building with a traditional roof is visible through the mist. The overall atmosphere is quiet and somewhat mysterious.

МАРИЯ
ТРОПИНИНА

ФЛЕШБЭК

Мария Тропинина

Флешбэк

<https://litres.ru/74574658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кириллу 35, он не уверен в себе, предельно порядочен, заботливый сын и неудачливый владелец типографии. Но у Кирилла есть дар: он умеет любить, бескорыстно, безответно, преданно. Он любит Алю со школы, но уже двадцать лет ничего не знает о ней. Это любовь-воспоминание, боль, которая его убивает. И именно в тот день, когда Кирилл переживает потрясение — предательство коллег, он наконец встретит Алю. И осознает свое ничтожество. Чтобы выжить, Кириллу необходимо разобраться в собственных чувствах, он изменится, но останется верен своей клятве.

Содержание

1	4
Часть 1	6
1	7
2	28
3	49
4	71
5	79
6	107
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Мария Тропинина

Флешбэк

1

8 лет назад

Когда земля вырвалась из-под колес, он не понял ничего. Только что он видел дорогу, бесконечно унылое полотно, петляющее среди бесформенных пустошей и еловых лесов, внезапно оглушающих потусторонней тьмой. Попадались сгорбленные козырьки автобусных остановок и мелькали редкими окошками безлюдные поселки, струилась по сухому асфальту и разбегалась по сторонам поземка. Снежная крупа билась в стекло, металась в свете фар и уносилась в неожиданно густые сумерки, обрушившиеся на смену невнятного дня.

Он все еще слышал голоса, чувствовал запах табачного дыма, наплевать всем на запрет, в том ресторане, в убогой стекляшке, где бывшие одноклассники собрались отметить юбилей выпуска, под плач шансона он уже попрощался с ней. Теперь его ничто не держит, больше нет смысла. Он не справился, он неудачник. И он понял, что больше не

будет думать об этом, просто не в силах. Закрыв глаза, возможно, отпустил руль, только на миг, на одно ускользнувшее в бездну мгновение.

Сначала было необыкновенное ощущение: будто что-то оборвалось, как натянутая до предела струна, взвизгнуло пронзительно. В образовавшемся вакууме он только успел отметить, что не слышит привычного гудения зимней резины по асфальту. Ему почудилось, это полная свобода, долгожданный покой, но тишина звенела надрывно, устрашающе, а затем все пришло в неожиданно стремительное и непредсказуемое по траектории движение: закружилось, замелькало, заскрежетало душераздирающе, глухо шлепалось, хрустело, звенело разбитыми стеклами, лязгало, рвало на части металл, а ему казалось, что и его сердце.

Он не понял ничего.

Тут же возникла неизвестно откуда взявшаяся сухая трава, снег, который вспыхнул в лицо, ослепил неожиданным белым. Он успел со всей силы вжаться в спинку сидения. В захватившей его круговерти каких-то предметов, парящих, как в невесомости, его собственных рук, пытающихся удержать бесполезный руль, улетающего в сторону леса лобового стекла и ворвавшегося в салон ветра; среди всполохов света и черной, как смерть, пелены он ничего не ощущал, ничего не боялся. Он жаждал развязки.

Часть 1

Алька

Из своей прежней жизни она помнила мало: пижаму с Винни Пухом; золотой корабль на шпиле, видимый из окна на кухне, и если встать на цыпочки, то и с кровати в спальне; страшного монстра — алоэ на подоконнике за шторкой. И еще светильник в виде улыбающейся звёздочки, прямо над собой, на стене — можно руку протянуть и потрогать её гладкий луч. А еще, возможно, это не она помнила, скорее всего, бабушка рассказывала, что Алей она назвала себя сама, не могла выговорить свое полное имя правильно, маме понравилось.

Это все, что у Альки осталось от мамы, только эти воспоминания. Аля часто пыталась воскресить в памяти еще что-нибудь: как мама двигалась, чем любила заниматься, как она говорила. Но Алька совсем не помнила мамин голос. Перед глазами проплывали тени незнакомых людей в тёмных одеждах, которые её, Альку, почему-то очень жалели, но не пускали к маме; и комната соседки, у которой Аля провела почти весь день, и то, как тётя Лёля всё время прикладывала к слезящимся глазам клетчатый платочек и гладила Алю по спине слабой, подрагивающей рукой, пытаясь уговорить её, уже отказавшуюся от дневного сна. Альке так и не объяс-

нили, где мама, лишь потом, через несколько лет, бабушка рассказала, что мама умерла от неизвестной разновидности гриппа.

Девять счастливых лет Алька жила с бабушкой, в маленьком провинциальном городке на берегу небольшой извилистой речки. Здесь всё было маленькое: домишки, вросшие в землю, заборчики, защищающие палисадники разве что только от гусей, бабушка, которую к одиннадцати годам Аля переросла уже на полголовы.

В одноэтажной школе в классах стояли старые парты, с откидывающимися крышками и забавными лунками для чернильниц — в них так удобно умещался ластик. Парты и лавки каждое лето красили в нежно-голубой цвет, а на школьном дворе был разбит огород, где ребята вместе с учителями выращивали овощи и зелень. Здесь все знали друг друга, дети гуляли самостоятельно, большими ватагами, а в кино-театре перед сеансом выступал местный хор.

Альке хорошо жилось с бабушкой в её крошечном домике с двумя комнатами. Они вместе хозяйничали на кухне, сообща решали, как распределить их нехитрые доходы (бабушкину пенсию и Алькино пособие), перешивали старые мамины платья и даже смастерили для Али очень элегантную шубку.

Девочка никогда не скучала, у нее всегда была куча планов, ей хотелось всего сразу, она разрывалась от желания бежать и тут же задыхалась от восхищения, заметив что-то обычное, но показавшееся волшебным, замирала, чтобы рас-

смотреть внимательно.

Она видела необыкновенные сны, лишённые смысла, сюжета, но необъяснимо прекрасные. Ей слышалась волшебная мелодия, её душа рвалась куда-то, она сама не понимала куда. Иногда в предрассветном тумане или в шуме далёкой вечерней электрички Алька улавливала знакомые ощущения, те, из снов, старалась вдохнуть их как можно глубже, жадно, трепеща от восторга и наслаждения. Она чувствовала всё остро, на пределе эмоций, не только душой, но и кончиками пальцев, ноздрями и нежной кожей губ.

Всё вокруг приобретало новый смысл, у каждого предмета, растения, жука — был свой секрет, который хотелось разгадать. Алька могла часами созерцать хрупкую головку репейника, прицепившегося к рукаву, разглядывая строгую последовательность в переплетении его цепких щупалец; или долго в задумчивости водить ладонью по стене, каждым миллиметром кожи ощупывая все её неровности и прохладу, скрытую под тёплым слоем потрескавшейся краски. Она пугала молодую учительницу, когда, пропустив упреки по поводу неаккуратного и неполного домашнего задания (что-то отвлекло, вот и не доделала), Аля вдруг протягивала руку и гладила мягкую ткань её жакета или задумчиво водила кончиками чутких пальцев по рыхлой коже её сумочки, ощущая выпуклости замысловатого шва, и прохладу застёжки, и малейшие заломы.

— Аля, ты не стараешься, но я же знаю, ты можешь ра-

ботать лучше! Ты меня слышишь? Тебе неинтересна математика? Давай подумаем, как сделать, чтобы стало интересно! — Елизавета Андреевна, была терпелива и внимательна к каждому из своих учеников, но эта неординарная девочка нравилась ей особенно. Как и все дети, Аля была шумной, немного неряшливой, временами забывчивой, иногда невнимательной, но необыкновенного цвета глаза девочки светились любознательностью, а живой ум помогал ей выкручиваться из любой ситуации.

Учительница многократно не без удовлетворения наблюдала, как вызванная к доске, совершенно не подготовленная к уроку Аля некоторое время растерянно вглядывалась в задание, кусая губы и потирая кончик аккуратного острого носика. Казалось, что сегодня её ждет полный провал: она даже могла повернуться к окну и некоторое время задумчиво смотреть на дубовый лист, отчаянно цепляющийся за промёрзшую ветку. Потом, упрямо встряхнув всклокоченной головой с вечно растрепанными косами, которые бабушка упорно стягивала лентами, Аля уверенно брала мел и, посмотрев на него пару секунд, выдавала абсолютно верное решение.

Именно поэтому про себя Елизавета Андреевна решила, что будет наблюдать за этой девочкой и помогать ей по возможности. Именно Аля чаще других детей вызывалась к учительнице на дом для воспитательной беседы.

Обе любили эти встречи, когда после непродолжительной

«обязательной» части, обычно состоящей из нарочито строгого воспитательного монолога о пользе знаний и необходимости взяться за ум, они переходили к чаепитию. Из белого буфета доставались чашки с розочками, пузатая сахарница с позолоченной ручкой, вазочка с яблочным вареньем, присланным мамой учительницы из далекой холодной Вятки, и свежайший нарезной батон. Нехитрое угощение казалось самым изысканным лакомством, маленькая опрятная квартирка учительницы — роскошным домом, а сама Елизавета Андреевна была настоящим Алькиным другом, даже больше чем другом.

— Иногда мне кажется, — лукаво прищурившись, говорила учительница, — что ты специально не учишь уроки, чтобы я тебя поругала... — И, взглянув на ставшую хитрющей физиономию своей ученицы, сразу убеждалась в справедливости своей догадки.

Здесь, в этом уютном городке, где каждая маленькая улочка была свидетелем больших Алькиных приключений: с друзьями, с которыми играли вместе в овраге, рвали яблоки в заброшенном саду, бегали купаться на речку, хоть и запрещалось без взрослых; с бабушкой, самой родной и любимой; с учительницей, которая, девочка была уверена, похожа на маму, — здесь Алька была абсолютно счастлива, и казалось, что по-другому и быть не может и что так будет вечно. Но очередная зима, почти бесснежная, ветреная и темная, испортила все: бабушке нездоровилось, она стала

всё чаще оставаться по утрам в постели, иногда не вставала по нескольку дней. Девочка гнала от себя страшное видение — свёрнутый в рулон полосатый матрас на пустой маминой кровати и занавешенное простынёй зеркало её туалетного столика.

Аля перестала ходить в школу — она боялась оставить бабушку одну. Та лежала в своей узенькой железной кроватке с облупившейся зелёной решётчатой спинкой, такая крошечная, худенькая, прозрачная. Аля боялась, что скоро бабушка совсем исчезнет, станет невидимой, растворится в белых простынях. Бабушка упорно отказывалась от помощи врача — она запретила девочке звонить в поликлинику. Тётя Нина, дальняя родственница, которая иногда их навещала, пыталась её переубедить, Елизавета Андреевна тоже пыталась, но безрезультатно. Бабушка обещала: наступит весна и она, как прошлогодняя травка, снова оживет и потянется к солнышку.

Только бы дождаться весны.

То утро было волшебным: нетерпеливое весеннее солнце ворвалось в окно с рассветом, оно еще не поднялось высоко, но уже предвещало настоящее тепло. Солнце встречали птицы, они стали щебетать еще в темноте, им так хотелось быстрее начать новый день! Птицы разбудили Альку, девочку

ка сначала не поняла, что происходит, а потом увидела — сосульки! Они выросли за ночь, целый ряд, как бахрома, но сейчас уже оттаивали, вниз стекали капли воды, все быстрее, быстрее, они тоже мечтали поскорее растопить остатки зимы.

Ветер принес запах весны, свежий, легкий, радостный: нагретых на солнце еще немного влажных досок; оттаявшей черной земли; воды, прозрачной, сверкающей на хрустальных сосульках. Уже стали заметны нетерпеливые макушки первоцветов и слабые былинки. Хотелось надышаться ароматом близкого соснового леса и реки, еще холодной, немного схваченной сверху слабым льдом, но уже бьющейся, прорывающейся из-под него. Солнце торопит, щебетание птиц все громче, стук капель по карнизу — все отчетливее, ветер ворвался в комнату, откинул занавеску, девочка не могла больше оставаться в постели, она отбросила одеяло и вскочила. Она кинулась к окну, залезла на стул, распахнула пошире форточку, Алька вдыхала весну, наполнялась ею, и было так хорошо, словно ничего прекраснее нет на свете!

— Бабушка, бабуля! — закричала она, соскакивая со стула, запинаясь одной ногой, не попавшей в тапочек сразу, сбросив и второй, на ходу запахивая кофту (ночью не топили, в комнатах затаилась зимняя прохлада). — Бабуля, смотри, сосульки! Скорее, они уже тают!

Девочка вбежала в бабушкину комнату:

— Бабуль, весна, слышишь! Уже весна, вставай!

В комнате весны не было, там было сумрачно и холодно. И тихо.

Алька ещё с порога заметила, что бабушка как-то изменилась и вообще перестала быть похожа на себя, на ту, которую Алёка так сильно любила. Бабушка лежала, утопая в тени небытия, уже бесцветная, хрупкая, а девочка стояла на пороге, не могла пошевелиться, и холод, проникающий через босые ступни от ледяного пола, медленно расползался по венам и сковывал ужасом её сердце. Алёка не могла оторвать взгляда от пепельно-серого лица, это какое-то недоразумение: вместо бабушки в кровати лежала уродливая кукла, сморщенная, остроносая. Неживая.

Как-то сразу, в одно мгновение, всё изменилось, стало происходить что-то несуразное, непонятное, страшное: в доме хозяйничали соседи и совершенно незнакомые люди, темные, деловитые. Алёку все время куда-то перемещали, ей говорили: сядь здесь, иди туда, стой рядом. Она безропотно все исполняла, не плакала, ни о чем не думала, проваливалась в темноту, и опять ею командовали, ее переставляли, пересаживали, заставляли есть и пить безвкусное, никто ничего не объяснял, но она теперь понимала все сама. Она понимала, что бабушки больше нет, она умерла.

В церкви был приятный запах, там было тепло. От унылых голосов высокого священника с кудрей рыжей бородкой и двух бледных женщин в платочках хотелось плакать, Алёка проглотила подкативший к горлу комок. Тетя Нина не отпус-

кала, сжимала ее плечи, всхлипывала прямо в ухо.

На кладбище было грязно, скользко, пахло хвоей. Бабушку так и оставили с некрасивой жесткой полоской на лбу. Ее сложенные на груди руки были маленькими, меньше, чем у Альки. Бабуля совсем утонула в обитом черной материей ящике, внутри все было заполнено белой тканью, такими дешевыми синтетическими занавесками, блестящими и безвкусными, бабушка ни за что бы на такое не согласилась, но ее не спрашивали. Девочке безумно хотелось дотронуться губами до покрытой нежной сеточкой морщин щеки и вновь ощутить запах розовой воды, которой была пропитана вся бабушкина одежда, но, склонившись для поцелуя, когда ей велели, Аля наткнулась на холодно-скользкую и гладкую, неживую кожу и незнакомый запах мирры. Отчаянные рыдания клокотали в горле, сдавливали грудь, но не вырывались, только все сильнее каменело внутри, девочка онемела, оглохла и только удивленно таращила абсолютно сухие, внезапно потемневшие глаза.

По углам бабушкиного домика шептались темные тени, соседи все еще хозяйничали на кухне: достали из серванта парадный сервиз и пили из сине-золотых чашек компот из сухофруктов. Аля слышала обрывки фраз, не понимала их смысл, только отмечала про себя отдельные слова: дом, девочка, интернат. Тетя Нина рылась в ящике с бумагами.

Але было все равно, что происходит сейчас и что будет с нею дальше, она не думала об этом: всё виделось настолько

нереальным, словно она была больна и из-за высокой температуры ей снился тяжёлый сон, бесконечно длинный и абсурдный. Она не могла заставить себя проснуться, только старалась защититься от надвигающегося кошмара, усилием остатка воли возводя преграду от наваливающейся снаружи бесформенной массы, состоящей из незнакомых людей, непонятных слов и необъяснимых событий. На это уходили все ресурсы её некрепкого организма, и девочка чувствовала, как с каждой минутой слабеет и сереет, совсем как бабушка в своей кроватке. Алька пыталась поплотнее запахнуть свой кокон, чтобы сохранить остатки той, прежней, счастливой жизни, которая становилась теперь просто дорогами для неё воспоминаниями.

Прижавшись спиной к пёстрому коврику, висящему на стене над её кроватью, девочка лежала, свернувшись калачиком, обхватив руками колени, завернутая в бабушкин серый пуховый платок. Просто лежала и ждала, когда же все уйдут и оставят её в покое, когда закончится этот кошмар.

Когда появился участковый из поликлиники, старый доктор, Аля забеспокоилась, но не было сил протестовать, и пришлось стерпеть все его манипуляции, включая и болезненный укол. Буквально через несколько минут девочка почувствовала, как тяжёлое «нечто» ослабляет своё давление, звон в ушах затихает, она расцепила затёкшие руки, почувствовала, как отпустило в груди и в животе, перестало саднить горло. Сквозь внезапно прорвавшийся поток слёз, Аль-

ка чувствовала, как старый доктор гладит её подрагивающей ладонью по волосам: «Ну вот и хорошо, ну вот и славно...» Засыпая, она подумала, что ей уже знакомо это ощущение.

На следующий день её разбудило все то же весеннее солнце, прокравшееся сквозь неплотно задёрнутые занавески. Алька тихо выбралась из-под слишком тёплого зимнего одеяла и босиком, стараясь не разбудить тётю Нину, спящую на диване, пробралась на кухню. Здесь всё было не так, неправильно: на расстеленном на столе полотенце сушились парадные чашки, сахарницу забыли убрать в шкаф, а на холодильнике в клетке обиженный попугай сидел напротив пустой кормушки. Алька накормила Кешу и в качестве утешения почесала ему под клювом, повесила на крючки две сшитые ею в виде сердец прихватки, убрала в буфет чашки и сахарницу, унесла в коридор лишний стул и включила радио.

Алька чувствовала жуткий голод: намазала маслом два куска хлеба — чёрный и белый, запила горячим чаем, но без молока (скисло...), сунув в сумку несколько тетрадей и учебников, успела улизнуть в школу до того, как тётя Нина выбралась из комнаты.

Было уже поздно, нужно было спешить, но вот со скоростью у Альки что-то случилось — сперва это даже показалось забавным: она делала обычный, широкий шаг, но нога только чуть приподнималась над землёй и, задевая пыль подошвой, тут же опускалась снова на землю. Как во сне, когда стараешься бежать, быстро-быстро работаешь ногами, но за-

висаешь на месте и даже пытаешься оттолкнуться от воздуха, как от воды, но всё тщетно. Так и сейчас: Алька прикладывала невероятные усилия, чтобы двигаться быстро, но на самом деле только медленно, по-старушечьи, ползла по обочине дороги. И, уже совсем не забавно, темнело в глазах — приходилось останавливаться и ждать, пока восстановится зрение и дорога, дома, деревья прекратят свой хоровод. Бутерброды в желудке тоже не находили покоя, пришлось дышать ртом, чтобы прогнать нахлынувшую дурноту.

Аля остановилась, делая вид, что ищет что-то в сумке, а на самом деле прикидывая, хватит ли её цыплячьих силёнок, чтобы добраться до школы. И желательно сделать это засветло... Назад было значительно ближе — она прошла всего пару домов, но вернуться туда, где всё, от почерневшего напёрстка до старинных ходиков, напоминало о бабушке... Где каждое полотенце в шкафу хранило запах её любимой розовой воды и под кроватью так и остались стоять её теплые войлочные тапочки...

С горем пополам Алька всё же добралась до школы, хотя и с пятнадцатиминутным опозданием.

— Егорова, ты чего явилась? Ты же вроде как болеешь? — удивился историк. Алька хотела ответить — правда, она не успела придумать, что именно, — но вышел только несвязный хрип. Она закашлялась и без разрешения плюхнулась на своё место — стоять больше не могла.

— Ладно, вернёмся к уроку. — И учитель продолжил опи-

сывать детали какого-то неизвестного строения в Древнем Риме.

Потянулись пустые безрадостные дни. Алька отчаянно мёрзла, практически всегда: и днём, в школе, и под лучами тёплого солнца, и особенно ночью — просыпалась от сковывающего холода, сворачивалась поплотнее в комок, пытаюсь согреть руками ледяные ступни.

Как-то, словно не спросив Алькиного мнения, разбушевалась весна, и всё кругом расцвело: мгновенно покрылись зеленым пушком старые липы, высаженные вдоль улицы в честь первого полета человека в космос, высохли лужи, и грязь превратилась в пыль, ещё не сдерживаемую слабенькой травкой. Город атаковали стаи шустрх дроздов, шумных галок и деловитых грачей, которые избрали его перевалочным пунктом перед дорогой домой, на север.

Алька даже с удовольствием ходила в школу, потому что там-то ничего не изменилось: шумели на задних партах мальчишки, шептались уроки напролёт девчонки, играли в чепуху на перемене, ели сворованный из столовой серый хлеб и забирались в кабинет биологии, чтобы посмотреть на скелет. Алька полюбила дежурить по классу после уроков: с удовольствием намывала парты и оттирала с нового линолеума коварные чёрточки, а ещё помогала Елизавете Андреев-

не проверять тетради, возила в тачке уголь для школьной котельной и с наслаждением мела площадку перед крыльцом.

А бывать дома Алька не любила. Там теперь была тётя Нина, и она всё делала неправильно: путала полочки в посудном шкафу, покупала непривычное молоко и невкусный творог, загубила бабушкины фиалки и простудила сквозняками Кешу. Теперь у дома даже запах был другой, от бабушки оставалось все меньше и меньше. Алька как могла пыталась поддерживать привычный порядок: маниакально следила за правильностью расстановки чашек, перевешивала полотенца, приглушала звук радио до приятного лёгкого бормотания и следила, чтобы бабушкины тапочки стояли под её кроватью. Тётя Нина качала головой, но ничего не говорила.

А потом они отдали Кешу в школьный живой уголок, собрали вещи, заперли дом и поехали куда-то на поезде. Альке было всё равно, она не спрашивала, куда они едут. Тётя Нина причитала на противоположной лавке в полупустом плацкарте и перебирала какие-то бумаги, сложенные в потрёпанную картонную папку. Потом девочка долго ждала в коридоре то ли школы, то ли поликлиники, где противно пахло половыми тряпками, сыростью и тушёной капустой; была подвергнута бессмысленному допросу со стороны лысого дяденьки в весьма потрепанном костюме и унижительному осмотру недр своей пышной шевелюры. Но больше всего ей запомнилось, как после она тащила свой чемодан по длинному гулкому коридору, и скрип неровных рыжих половиц

заглушал рыдания тёти Нины, оставшейся позади.

Помятый дяденька втокнул Альку в светлую комнату, где рядами стояли кровати, разделённые выкрашенными в зелёный цвет щербатыми тумбочками, пузырились бесцветные обои на стенах и уныло свисали с окон серо-жёлтые мятые занавески. Ей никто ничего не объяснил, Алька не понимала, что происходит. Какая-то тётя забрала чемодан, заставила вымыть руки в холодной комнате, где пахло хлоркой, блестяли белые умывальники вдоль стен и висело на крючках с десятков драных полотенец.

Столовая была похожа на школьную: те же длинные столы, покрытые разрисованными клеёнками и неудобные узкие, ошетилившиеся будущими занозами лавки. Когда Алька прошла после невкусного холодного завтрака по коридору, она не обнаружила в пустых комнатах других детей. «Странная школа», — подумала она и решила, что это не школа, а детский лагерь, как в смешном кино, которое они с бабушкой смотрели по телевизору. Только хоть кино и было чёрно-белое, там всё выглядело намного симпатичнее...

Летом воспитанники детского дома разъезжались: кого-то забирали родственники, некоторым не повезло попасть в санаторий. Альку отправили в спортивный лагерь, но ее не радовали ни походы, ни вечера у костра, она была словно во

сне, вялая и апатичная. Она не могла смириться с тем, что ее счастливая жизнь, ее прекрасное детство — все было так безжалостно поломано, так грубо отобрано у нее, все осталось там, в бабушкином доме. С ее вещами, ее запахом и мамиными фотографиями. Алька никогда не простит этого тете Нине.

В августе все ребята вернулись в унылые стены детдома. Но это место нельзя было назвать домом, нет, Алька никогда бы не назвала. Это была тюрьма. Алька не могла тут дышать, не могла спать, не могла привыкнуть. От воспитанников требовалось быть одинаковыми, «как все». «Ты что, не как все? Особенная, что ли?» — самые частые обвинения. «Да, я не как все, не такая, как вы, я особенная!» — хотелось кричать ей, но Альку все время заталкивали назад: в общий ряд, в единый строй, в шеренгу по росту. Девочка была уверена, что она исчезает, вот уже бледнеют ее пальцы. Следом, ссохнутся руки, ноги исхудают и превратятся в ходули с несуразными коленями, впадут глаза и все лицо покроется морщинами, Алька видела таких людей в страшном фильме про войну — таких маленьких старичков, детей, которые обречены умереть. Альке стало жутко, она очень не хотела умирать, не хотела раствориться в толпе воспитанников.

За окном тихо угасало лето: замерзало инеем в предрасветные часы, запутывалось в желтеющей листве, поднималось туманом к сизым тучам. Там, за забором, за унылым бетоном, что скрывает от пленников остальной мир, настоя-

щую жизнь, за пустырем, за перелеском, полем, оврагом — там течет река. Тихая, неширокая, вяло петляет между холмами. За гладью реки — высокий берег, испещренный норками стрижей, дальше не видно, неизвестно, что там дальше, но, несомненно, там что-то есть.

А здесь нет ничего. Ничего хорошего, красивого. Родного. Дыхание перехватило от спазма, от обиды: почему так? Почему все разрушилось, за что ей всё это? Ей нужно туда, за реку, вырваться, сбежать, там её цель, там спасение!

Алька не могла больше ждать и, позабыв о беспокоившей её так некстати появившейся вчера простуде, свесила ноги с подоконника и, оттолкнувшись как следует, чтобы не наткнуться на пластиковый заборчик, прыгнула вниз. Она упала неудачно, уткнулась коленями во влажную землю, а руками в драгоценный цветник, выращенный одной из уборщиц вопреки стараниям «маленьких вандалов», как та причитала, подвязывая очередной затоптанный гладиолус. Алка не чувствовала боли в исцарапанных ладонях, она вскочила и, пытаясь отряхнуть с ночной рубашки чернозем, понеслась по почти осенней, жёсткой от инея траве.

Она бежала сквозь туман, потом ворвалась в полумрак леса, ветви хлестали по лицу, рвали волосы, она не замечала. Быстрее, туда, где за рекой поднимается солнце, где спасение! Алка уже выбивалась из сил, казалось, её преследуют страх, горе, её плен.

Вот овраг, вот небо бескрайнее, река в дымке... и крик,

отчаянный и безнадежный, во всю силу её лёгких, этот крик вырвался вдруг, отразился эхом от глади густой воды, от высокого противоположного берега, от свободы там, за холмом, свободы, до которой ей не добраться.

Алька замерла на краю оврага, перерезающего путь. Она чувствовала, как что-то уходит, самое важное, то, что ее наполняло, кажется, это она сама, ее суть. Прямо сейчас, вот отсюда, из груди, она не может это удержать, и от неотвратимости потери ей становилось жутко. Она не плакала. Подул холодный ветер. Одинокая синица тоскливо пиликала где-то вдалеке.

Алька знала: она не в силах ничего изменить. Вся её прежняя и счастливая жизнь, внезапно оборвавшееся детство не принадлежат ей больше.

Некуда бежать.

Она заложница теперь.

Надо возвращаться.

Когда Алька вернулась в детский дом, она поняла, что все уже на завтрак, и сразу возникла трусливая мыслишка не ходить в столовую и на какое-то время оттянуть неминуемое наказание, но, вбежав в спальню, почувствовала грубую хватку: ее держали крепко сзади за шею. Пытаясь выкрутиться, девочка рванулась и замахнулась было рукой на неизвестного обидчика, когда, к сожалению поздно, поняла, кто это. Возвращение в реальность было настолько бурным, что она не смогла сдержать поток злых и горячих слёз.

— Так... — Голос не предвещал ничего хорошего. — Это кто это у нас такой деловой? Вернулись с утреннего променада, мадемуазель? Хотите теперь испить кофейку и закусьить круассаном? А почему в ночном костюме? И где ваши хрустальные туфельки?

Сбитая с толку, Алька замотала лохматой головой, пытаюсь вникнуть в смысл слов «променада» и «круассан», а также не совсем понимая, что значит «испить», но уловив издёвку в тоне, начала медленно втягивать голову в плечи и попыталась освободиться от руки, по-прежнему крепко державшей её сзади за шею.

— Я... Сергей Сергеич... хотела... не могла... я... — Она судорожно пыталась придумать оправдание, но внезапно ощутила ужасную слабость и даже почувствовала, как холодный пот выступил на лбу. Дрожащей рукой Алька оттянула ворот сорочки, который вдруг стал давить на горло, и, не в силах предпринять ещё одну попытку хоть как-то оправдаться, бессильно опустила руки.

В одно мгновение ей стало всё равно, что будет дальше, и девочка медленно опустилась на пол, не заметив даже, как внезапно освободилась от железной хватки директора.

Ангина спасла ее от неминуемого наказания, впрочем, ей было все равно: хуже уже нечего придумать, она уже наказана тем, что живет здесь. Две недели в бреду, охваченная ознобом, терзаемая жаром, приступами головокружения и адской болью, раздирающей горло, Алька не могла произне-

сти ни слова. Но даже почти ничего уже не соображая от слабости, она ни на секунду не теряла тех, самых важных, осязаемых воплощений её боли от потерянной свободы: прикосновения холодного кома земли к ступне, резкого удара ветки по озябшей щеке, острого, грубого глотка воздуха, застревающего в горле. И еще соли собственных слёз на кончиках пальцев.

Алька знала, что заболела не оттого, что бегала босиком по холодной земле. Она заболела от унижения, от бесцеремонного обрушения ее мира, от несвободы. Но Алька была уверена: она найдет, что им ответить, еще никому раньше не было позволено так обращаться с ней, и никому впредь позволено не будет. Она вырвется отсюда, не останется здесь, ни за что! Потому что она не такая, как другие дети, Алька чувствовала, что судьба уготовила ей нечто большее. У нее есть время (сказали, что продержат минимум неделю, после того как спадет температура, значит, еще ровно семь дней), она придумает, как отсюда выбраться.

Но на реализацию блестящего плана, что был разработан всего за неделю, ушли долгие, невыносимо бесконечные четырнадцать месяцев. Альке пришлось закрыться от реальности броней собственной самодостаточности. Сверстники её сторонились, взрослые считали своенравной и капризной. Но Аля не смирилась с существованием в этом убогом детском доме, со своим статусом сироты, с подачками благотворителей и постоянным страхом наказания...

Наконец она вырвется отсюда, настал последний день в тюрьме. Проснувшись рано, Алька улыбнулась: ведь она больше не будет бледной помятой детдомовкой, не станет надевать куцые обноски, тем более делить одежду с другими девочками, как это тут, оказывается, принято; не будет есть из щербатых тарелок, пить бурду вместо кофе, к которому ее пристрастила бабушка, только по выходным, но нормально-го кофе. И Алька не пойдет работать на фабрику уродливых железок, куда отправляют всех после девятого класса. Она планирует сама управлять своей жизнью, поступит в институт, как мечтали с Елизаветой Андреевной, и у нее будут родители. Не важно какие, приладимся, главное, что ее никогда больше не назовут сиротой.

Сегодня она попрощается с рекой, с обрывом и старым дубом, только с ними, так, как она любит — на рассвете, несмотря на запрет. А после войдет в детский дом в последний раз, чтобы выйти победителем. И войдет не через окно в туалете, а с парадного входа, и ничего ей не сделают ни Сергей Сергеевич, ни воспитатели — никто. Прошагает с высоко поднятой головой вот так, в ночнушке и накинутой сверху куртке, с голыми ногами, наспех сунутыми в резиновые сапоги. Алька не будет больше никого бояться, потому что никто не рискнет ее наказать сегодня, иначе она все расскажет своим новым родителям, они приедут за ней к двенадцати.

Кирилл

Кажется, он уже полчаса пытается найти смысл в черном квадрате погасшего монитора. Кирилл с трудом перевел взгляд, оглядел свой кабинет, некогда бывший коридором, который приспособили под офис, — до жути неуютный, захламленный до невозможности, заваленный потерявшими актуальность образцами, архивными папками, ожидающей починки мелкой техникой, остатками расходников. Кирилл прислушался: снаружи тихо, рабочий день еще не начался. Еще есть время подумать, но он никак не мог сосредоточиться, мысли носились хаотично, Кирилл силился понять, что все это значит.

Да нет, вранье! Он вскочил, почти отбросил стул, в два широких шага оказался около окна, распахнул форточку. На самом деле он подозревал, что это значит, уже давно обо всем догадывался, но не мог разобраться, почему это происходит.

Кирилл развернулся, зашагал опять к двери: его мучили вопросы, на которые он не хотел бы давать ответ. Ветер из окна шелестел листами бумаги, сваленными в неаккуратную стопку на стеллаже. Стопка покачивалась, Кирилл задумчиво созерцал ее, когда вернулся вновь к окну: это какой-то

брак, сохраненный под черновики и забытый тут навсегда, пожелтевшие от времени, деформированные листы.

Почему это происходит с ним, что он делает не так? Почему нельзя просто работать, без всего вот этого? Верстать и печатать заказы. Резать, фальцевать, брошюровать, упаковывать в пачки и развозить клиентам — все же просто! Почему нельзя, чтобы было просто? Ведь раньше, кажется, получалось, справлялся ведь!

В сознании Кирилла проносились какие-то отдельные события, сюжеты: повседневная рабочая рутина и нечастые примеры успеха — то, что составляло большую часть его существования, он практически живет здесь, в этой типографии, это все, что у него есть. Кирилл помнил переезд в это здание, в кабинете тогда поселился прежний директор. Тут же, в присутствии нотариуса, Кирилл подписывал договор о символической покупке фирмы, он, двадцатипятилетний идиот, размечтавшийся о собственном бизнесе, в котором, как тогда полагал, он знает толк.

Здесь же он остался один на один с мировым финансовым кризисом, пробравшимся в страну тихо и непомпезно, с неоплаченной арендой, долгами по зарплате двум десяткам сотрудников и нарастающей паникой. За этим разошедшимся столом, давно прописанным на помойке, Кирилл чертил многочисленные бизнес-планы, здесь рождались уникальные нерабочие идеи и неэффективные стратегии. Теперь пылятся на полке его прежние наставники: Филип Кот-

лер, Джон Коттер, Дэвид Огилви, бесполезные, бессильные. Кирилл провел пальцем по потрепанным корешкам, он зачитывал эти книги до дыр, все искал секрет, надеялся на озарение, но ничего не срабатывало.

Здесь пришла в голову очередная концепция: сеть небольших центров оперативной полиграфии, где большую часть заказов должны выполнять на месте; филиалы были бы связаны друг с другом крепко, взаимодополняемы, Кирилл придумал ротацию сотрудников, вопросы загрузки решались бы распределением заказов между офисами. В центральной типографии печатались бы крупные тиражи и широкий формат, здесь должны базироваться квалифицированные специалисты: дизайнеры, иллюстраторы, технологи, бухгалтерия, тут же установили бы лучшее оборудование... Все продумано идеально! Это же была уникальная схема, он учел все, он ее протестировал, когда филиалов было только два, но нужно было больше, чтобы обеспечить объем, большую загрузку. Кирилл открыл еще два филиала, купил техники, взял поддержанную офсетную машину в лизинг, его дизайнеры оплачивались лучше директора, он держал капризного художника с невозможными амбициями, но это были боги. Какую красоту они творили! Они могли все!

Все, кроме обеспечения прибыли. Выручку съедали расходы: аренда, выплата по кредиту, проценты по лизингу, зарплата, налоги (боже, как много получается за квартал!), расходники: целые тонны бумаги, сотни литров краски и тоне-

ра, пружины для брошюровки длиной в пол-экватора, стремительно дорожающая ламинационная плёнка (скоро он будет готов накатывать свою кожу вместо нее!), а еще мелкая канцелярия, которая заканчивалась подозрительно быстро. Особенно в сентябре.

И персонал, боже, он не знал, что это так тяжело! Один пьет, но замены ему нет, не рождаются в наше время те, кто мечтает стать наладчиком офсетной машины; другой иногда выпивает и потому не всегда может развезти заказы или съездить оперативно за бумагой на склад поставщика. У третьего всегда легкое похмелье и головная боль, а машина грохочет специально, чтобы его позлить. У половины сотрудников дети, они болеют, у них рано закрывается детский сад, не выполняются самостоятельно домашние задания, им нужны дорогие игрушки и одежда, и в придачу существует совершенно неразрешимая проблема летних каникул. У второй половины дача и рассада, остеохондроз, не препятствующий пахоте на грядке, но мешающий работе в типографии, повышенное давление и болтливость, пониженная активность и абсолютная непереносимость нововведений и современных технологий. Ну а дизайнеры... им, как богам, не пристало спускаться на землю, но если вдруг задержать регулярно индексруемую зарплату, то снисходят, являются в кабинет, кладут ноги в полосатых носках на свободный стул, оставляют следы от кофе на бумагах.

Каждое утро по пути на работу Кирилла преследовали

навязчивые гимны «На бой кровавый» и «Вставай, страна огромная» — он не справлялся без них, ожидая утренней порции новостей: скандал с клиентом, в заказе которого сделали ошибку или задержали печать, штраф от пожарной инспекции или внезапное отсутствие кого-то из сотрудников (больничного можно не ждать, найдется множество оправданий, чтобы его не приносить, Кирилл никогда не мог настоять). Обычно не удавалось организовать замену: у каждого сотрудника куча уважительных причин, чтобы не прерывать законный выходной. Тогда Кирилл сам садился за компьютер или вставал на резку, развозил заказы, решал конфликты, мотался в банк и подрабатывал таксистом, подбрасывая сотрудниц по дороге домой. У него ведь нет семьи, ему все равно некуда девать свободное время.

Кирилл тут же решил заказать пиццу на обед, давно они не собирались всем коллективом за столом в «кухне». Ожидается более-менее спокойный день, никаких авралов не планируется, обычно они подстерегают только к концу недели, а сегодня всего лишь вторник. Но это письмо... оно затаилось среди спама в почте, здесь, в его компьютере, стоит только щелкнуть мышкой... Кирилл поспешил вернуться на свой бесполезный маршрут.

От внезапного звука он вздрогнул, развернувшись слишком резко, не сразу сопоставил тревожные аккорды «Лунной сонаты» с необходимостью ответить на звонок. Стопка на стеллаже пришла в движение, пошаталась и замерла на

секунду, но потом обрушилась вниз неграциозной лавиной. Звонящий был настойчив, Бетховен разрывал душу, хлопья пыли резвились в воздухе. Кирилл не выдержал и смахнул красную кнопку: «Прости, мама, я должен еще раз прочесть письмо!»

То самое письмо, отправленное еще вчера вечером, но прочитанное только сегодня, за обещающей быть приятной чашкой чая перед началом рабочего дня. Письмо, в котором заказчик, Алексей, лично приглашал на юбилей своей компании и благодарил за оперативность работы и надежность S-Press, типографии Кирилла, которая регулярно выручает их. Особенно этот, последний, тираж каталогов, что сдали на прошлой неделе, огромное за это спасибо!

Тираж каталогов, неплохой заказ... Но если верить официальным отчетам филиала на Дорогомиловской, в котором так хорошо обслуживали этого клиента, то заказов от компании Алексея не было уже полгода... Так что не было никаких каталогов. Или были?

Кирилл смотрел в окно, сейчас ему хотелось только одного: вытащить из шкафа сумку со спортивной формой, надеть кроссовки и побежать по уходящей к набережной дорожке, убежать от всего этого, хорошо бы подальше, хорошо бы навсегда.

Но придется разбираться.

Накинув куртку, он спустился вниз, все еще не имея никакого плана, просто под влиянием неуютных мыслей. Двор типографии, неопратно осыпанный листвой, выглядел уныло, справа громоздилась куча коробок — наконец вытащили из цеха весь мусор: брак, обрезки, банки из-под краски, залитые потопом пачки бумаги. Слишком много мусора, Кирилл с досадой отвел взгляд. Тучи нависали низко, день никак не хотел начинаться.

Пытаясь справиться с накатившей тоской, Кирилл щелкнул брелком и почувствовал себя чуть лучше в объятиях старого друга — своего автомобильчика. Выруливая со стоянки, Кирилл еще не имел представления, куда направится, но ему стало легче просто оттого, что вроде как он уже начал что-то делать. Только вот что?

Вливаясь в плотный поток, он понимал, что каждый водитель на дороге, каждый пассажир знает, куда движется, только он — нет. «Это мой бизнес, это мое дело, дело всей моей жизни! Здесь мои друзья, моя семья!» — пытался убедить себя Кирилл, а на самом деле не верил ни единому слову.

Он едва не пропустил красный сигнал светофора, тормознул так, что чуть не ударился об руль, сзади сигналили, мерседес собирался проскочить. Да, он обманывает всех, он обманывает себя, никакой он не бизнесмен, по-прежнему

му неудачник. Но нельзя все бросить, он должен справиться, только это важно, он не будет думать больше ни о чем, только о том, как спасти эту типографию.

«Просто нужно разобраться! Навести порядок. Да, нужно навести порядок и все заработает!» — Кирилл подстегивал себя весь оставшийся путь до филиала на Дорогомиловской, того самого, где так загадочно исчез тираж каталогов, но Кирилл уже был уверен: это просто недоразумение, это глупость, это он сам себя накрутил.

Рванул дверь офиса — не поддалась... Открыл своим ключом, отключил сигнализацию. Постоял нерешительно на пороге, сквозняк шелестел оторванной полоской жалюзи, наверху стрекотала, заикаясь, лампа. Нужно было войти, всего один шаг, а он застыл в дверях, вся его внезапная решительность уже перегорела. «Как же быстро!» — обреченно подумал он.

Часы на стене мерно отбивали пустые минуты, стрелка приближалась к половине одиннадцатого. Раздражающий шум в ушах оказался заунывным длинным гудком офисного телефона: трубка была включена. «А, вот как они обзванивают клиентов по утрам!» — в очередной раз удивился скорее своей тупости, чем находчивости сотрудников Кирилл и шагнул в комнату. Прошел к столу приемки заказов, выключил телефон, открыл ящик, стал собирать бумаги.

Через несколько минут распахнулась дверь, появились обе сотрудницы филиала (кто-то из них должен был открыть

офис час назад и вопрос — та, вторая, что пришла раньше своей смены, во сколько она собирается его закрыть?). Девушки весело впорхнули в комнату, оживленно болтая, они никуда не спешили, заметили Кирилла не сразу, оправдание придумать даже не пытались. Все сделали вид, что так и было оговорено. Равнодушно поздоровавшись, Кирилл продолжал перебирать документы по принятым и выполненным заказам, перекинул последние рабочие файлы с компьютеров, собрал образцы пробных оттисков и проверил коробку с браком. Девушки наблюдали за его действиями с безопасного расстояния. Иногда Кирилл обменивался с ними короткими раундами вопроса-ответа:

— А где у вас папка с архивом заказов за прошлый квартал?

— Там, на второй полке. — Кирилл доставал папку.

— Я сделал копии текущих бланков заказов, они все лежат на приемке.

— Хорошо. — И кто-то из девушек шел разбирать стопку.

— Какой пароль от этого компьютера?

— «Достали75» латиницей.

— Супер.

Кирилл загрузил компьютер менеджера и скинул в «облако» все последние файлы, подумал и поставил скачиваться папки «Документы» и «Архив документов».

Ещё через полчаса, когда с заготовленной отмазкой (девчонки успели предупредить) явилась менеджер Людмила,

Кириллу оставалось только забрать документацию из сейфа.

— Кирилл, представляешь, — с порога нарочито шумно и ненатурально стала жаловаться Люда, — Останкино опять задерживают наш заказ! Вчера мне пообещали, что всё будет готово, а сейчас, я к ним ездила, выяснилось, что ещё ничего нет!

— Понимаю, — посочувствовал Кирилл и далее хотел, как обычно, промолчать, но неожиданно для самого себя вдруг сказал:

— А о каком заказе ты говоришь? Я вчера был в Останкино и видел: твой заказ лежал готовый. Ты его не забрала?

— Ой, но я же не в офисе была, — тут же нашлась Людмила, — я встречалась с Катей в метро, но не дождалась её. Представляешь, полчаса простояла, время потратила!

— С Катей? Она вчера работала на Таганке, не могла твой заказ забрать...

— Да нет, не с Катей Прошиной, а с Катей Ждановой, она вчера должна была съездить в Останкино забрать свой заказ, ну и заодно наш...

Кирилл понял, что если он возразит, что Жданова вчера весь день была в центральном офисе и не ездила в Останкино, поскольку он сам подвозил её до дома уже после семи часов, то Людмила придумает ещё что-нибудь, и этот бессмысленный диалог не закончится никогда. Он молча пожал плечами, а Людмила, довольная тем, что отвертелась, бодро прошествовала мимо него и принялась с рвением разбирать

поступившие заказы.

— Люда, дай, пожалуйста, ключ от сейфа — я заберу книгу и квитанции на проверку. И вечернюю выручку. — Он видел, как, не оборачиваясь, Людмила вдруг замерла, листы бумаги выскользнули из её рук и спланировали на пол, она не нашлась, что сказать. Кирилл мысленно усмехнулся: от напряженной мозговой деятельности у Люды покраснели кончики её чуть лопоухих ушек, она судорожно искала повод не открывать сейф.

— Ой, а... ключа у меня нет... я его в другой сумочке оставила... — нашлась она, но не повернулась, чтобы скрыть свое, несомненно, испуганное личико.

— А как ты собиралась работать — без тетради, без квитанций, без печати? Тебе придется съездить домой за ключом!

— Да, конечно! — Людмила была рада сбежать, полагая, что Кирилл не останется в офисе на весь день и у неё будет возможность уничтожить улики в сейфе.

— Ты знаешь, по счастливой случайности у меня есть запасной ключ. Так что, если позволишь, я открою.

Кирилл протиснулся между Людмилой, которая даже не потрудилась посторониться, зависнув окончательно, и шкафом к сейфу, открыл лязгнувшую тяжёлую дверцу и собрал бухгалтерские тетради, бланки отчетности, ящик с наличными и на всякий случай печати. В комнате повисла мёртвая тишина, даже ксерокс перестал гудеть, оперативно выплю-

нув никому не нужные копии. Кирилл чувствовал себя просто отвратительно — он смотрел на вытянувшиеся лица девушек, он привык доверять им (как это было беспечно...), а они, кажется, этим пользовались.

Обречённо отметив и повисшую тишину, и многозначительные взгляды, которыми обменивались девушки, Кирилл понял, что его надежда на то, что запланированная проверка не выявит никаких махинаций или что ситуация с заказами от компании Алексея каким-то волшебным образом разъяснится и он снова сможет доверять всем... но у сотрудниц были такие лица... нет надежды... Всё и без проверки ясно, она нужна лишь для оценки масштаба катастрофы. Кирилл сейчас ненавидел и себя, и эти неприятные минуты, и эту чёртову типографию, и тот день, когда он самоуверенно решил, что сможет потянуть собственный бизнес.

— Жду тебя в пятницу утром в центральном, — неожиданно хрипло сказал Кирилл обездвиженной Людмиле и, не прощаясь, согнутый под тяжестью бумаг и неутешительных соображений, вышел из офиса.

Кирилл спешил объехать остальные филиалы, зная, что всему коллективу уже известно о проверке на Дорогомиловской, через несколько часов его работяга опель был до крыши загружен коробками с изъятой документацией. Кирилл

планировал сравнить предоставленные ему ранее финансовые отчёты с теми документами, которые недалёковидные менеджеры хранили в каждом офисе. И с каждым филиалом, с каждой новой убийственно тяжелой коробкой, которую Кирилл спешно собирал, он чувствовал, что не бумаги выскребает из ящиков, а отрывает по живому от себя, кусочек за кусочком.

Вернувшись в центральный офис, Кирилл в несколько заходов втащил документацию и заперся в своем кабинете. Руки дрожали, дыхание перебивалось, он не знал, с чего начать. Вообще-то начать нужно было со звонка маме, которая, наверное, уже с ума сходит, Кирилл не может обвинять ее в чересчур затянувшейся опеке — виноват, маму можно понять, а вот он в свое время вел себя очень эгоистично. Он быстро набрал сообщение: «Прости, сильно занят, перезвоню вечером», хотя прекрасно осознавал, что вечер скорее всего затянется и он не перезвонит.

Он поставил на стол первую коробку, это была обычная коробка от офисной бумаги жизнерадостного зеленого цвета, но Кирилл опасался ее содержимого. Его движения были медленными, невыносимо длинный день утомил, Кирилл был готов оставить травмирующее занятие на завтра, уже почти пять, никто не отменял текущие задачи... но одернул себя, нет, он справится, нужно выяснить всю правду, какой бы отвратительной она ни была! И высыпал бумаги из коробки на стол.

Всю ночь Кирилл разбирал записи, сверял, вносил в список, помечал, складывал в стопки. Рвал, комкал, швырял на пол в отчаянии. Когда забрезжил рассвет, он все еще оставался в своем захламлённом кабинете в заложниках у доказательств краха всех усилий последних десяти лет его жизни, собранных в блокнот: в каждом филиале весомая часть заказов шла «леваком».

В каждом, то есть во всех.

В то время когда Кирилл выискивал средства на уплату всё дорожающей аренды и возрастающих налогов, мучился угрызениями совести оттого, что не может индексировать зарплату своим подчинённым, брал кредит под залог собственной квартиры, ночами заменял печатника, днём — водителя, а в выходные — верстальщика, в то же самое время его сотрудники самостоятельно выплачивали себе премии и продолжали улыбаться ему в лицо.

Кирилл закрыл глаза. Как он устал! От всего: от этой безнадёжной борьбы, от бесперспективной суеты, от бессмысленных действий, которыми он заполнял себя, заполнял все свое существование, словно в этом и была суть его никчемной жизни. Он же понимает, зачем все это, правда? Себе-то врать нет смысла.

Светало, в стекло билась обезумевшая муха, Кирилл тоже хотел бы вырваться отсюда... Уже отключаясь, он успел подумать, что нужно найти заваленный папками телефон, и откинулся в жалобно скрипнувшем кресле.

Открыв глаза, Кирилл сперва не мог понять, что происходит. Оказалось, он в типографии, там, за стеной, уже шумит печатная машина, лязгает резак, слышны голоса — начался новый рабочий день, а он, кажется, застрял во вчерашнем здесь, в своем кабинете-коридоре, ведущем в никуда.

Надо встать, придется выйти отсюда, пройти через печатный цех... Но сперва он должен позвонить маме. Кирилл вздохнул: как бы он ни любил ее, как бы ни чувствовал вину за то, что существенно помотал маме нервы в свое время, как бы ни хотел поддержать ее, ведь она одинока, сестра, Лилька, сбежала на юга, оставила маму на его попечении — Кириллу было тяжело общаться с мамой в последнее время. Он снова опустился в кресло и откопал свой телефон среди бумаг на столе.

— Мамуля, привет, — как можно более будничным голосом ответил Кирилл на мамино испуганное: «Алё, Кира, алё!»

— Где ты?! — почти кричала мама в трубку. У Кирилла кольнуло сердце, да, его выходки не прошли даром.

— Я в типографии, где еще. Работаю.

— А! — В трубке что-то зашуршало, Кирилл представил, как мама облегченно опустилась в кресло.

— Прости, вчера был сумасшедший день, вообще не мог отвлечься. Ты простишь? — повторил он, потому что она все еще молчала.

— Конечно, все в порядке... — услышал он ее еще слабый

ГОЛОС.

— Ты что хотела?

— Напомнить, что ты обещал приехать...

— Ах да...

— Не говори, что не приедешь! У меня весь холодильник забит мясом, я приготовлю голубцы!

— Боже, мама, я один приеду, без роты голодных солдат!

— Ничего, справишься, с собой заберешь. Так ты приедешь?

— Я приеду, — пообещал он.

— Хорошо! А ты разговаривал с сестрой?

— Нет, а что?

— Она сказала, мальчишек к нам на каникулы отправит. У них как раз соревнования в Наро-Фоминске в начале января, отсюда и поедут.

— О, так это же чудесно!

— Ты же их встретишь?

— Конечно, но это же через два месяца...

— Ну да...

— А Лиля с Арсеном не приедут, что ли?

— Нет, они хотят себе устроить э... как она сказала... эгоистический чайлдфри отпуск.

— Ого! Ну ладно, пусть устраивают, нам с парнями и без них будет весело.

Кирилл почти обрадовался, он любил племянников, Сашку и Пашку, с ними он забывал обо всем на свете, заражал-

ся их беззаботным весельем. Дожить бы до конца декабря, только бы протянуть... Он еще немного поговорил с мамой, с трудом распрощался, почти перебив ее рассказ о Димочке, внуке Людмилы Петровны, которого тайно ненавидел, рассеянно побросал вещи в рюкзак и погасил свет.

На улице от влажного ветра стало чуть легче, Кирилл постоял возле своего автомобиля, но передумал садиться за руль: после бессонной ночи мысль об унылых московских пробках была невыносима.

Шаги гасли в суматохе города. Кирилл направился к метро по заставленному автомобилями переулку, срезал путь по стоянке у выделяющегося своей идеальностью нарядного особнячка, не так давно отреставрированного и превращённого в офисное здание.

Кирилл двигался как во сне, в голове не было никаких оформленных мыслей, только неуютный комкастый хаос из обрывков разочарования, злости, прежде всего на себя, на свою глупость. Не замечая ничего вокруг, пошатываясь от усталости, он продирался сквозь ветер и пытался сосредоточиться на актуальной цели: на продавленном диване, который виделся сейчас вождеденным спасением... и еле успел затормозить, едва не столкнувшись с внезапно появившимися на его пути двумя молодыми женщинами. Они обменива-

лись документами, Кирилл чуть было не проскочил между ними, но вовремя притормозил и поднял взгляд, чтобы извиниться.

Поначалу он не понял ничего, прошел несколько шагов, но остановился и замер, не мог обернуться, он не поверил сперва. Но затем внезапная мощная и холодная волна, мгновенно порождающая сначала горячий ожог, а потом неостановимую дрожь и озноб, накрыла его с головой, отчего он почти очнулся. И осознал, что произошло: он увидел ее.

Кирилл медленно развернулся, закружились черные стволы старых деревьев, он успел уловить ее взгляд, тут же ускользнувший от него через безжалостное мгновение — она отвернулась, отбросила прядь сверкнувших холодным огнем волос. Ветер стих, время замедлилось, сгущались тучи, все утопало в накатившей темноте. Кирилл почти ничего не видел, различал только штрихи смазанных жестов, из-за всё усиливающегося звона в ушах, он не мог разобрать смысла слов, улавливал лишь ничего не значащие обрывки фраз. Он хотел крикнуть: «Повернись!», жаждал только этого. Только убедиться, что она была, что она реальна. Но не мог проронить ни слова, не мог ее остановить.

Распластанные листья умирали под ее каблучками, выстрел хлопнувшей двери заставил его вздрогнуть, Кирилл осмотрелся: тут больше никого нет. Кажется, он собирался домой.

Кирилл не помнил, как добрался до дома, к тому самому

спасительному дивану, он уже не думал о нём. Долго подбирал ключ, несколько раз ронял связку и никак не мог попасть в замочную скважину. Шагнул в тёмный коридор, захлопнул дверь и швырнул на комод жалобно звякнувшую связку.

Разболелась голова, пульсировало в висках, Кирилл очнулся в темноте прихожей. Он сидел на полу у стены, сильно замерз, но был не в состоянии подняться, все еще видел ее. Конечно, она изменилась: стала выше, взрослее, у нее новая прическа, но это она, ее движения, ее голос. Кирилл почувствовал ее так же сильно, как прежде, все разглядел, все запомнил, зачем он носит эти новые линзы, лучше бы ничего не видеть!

Кирилл с остервенением долбанул кулаком по бесчувственно-холодному кафелю: почему она обладала такой властью над ним? С самой первой встречи двадцать два года назад, тогда она его даже не заметила, и сейчас, наверное, не вспомнит его имени. Вот парадокс: а он не просто помнит всё, он никак не может избавиться от воспоминаний.

Уже прошло столько лет, он должен её забыть: он запретил себе думать о ней, разорвал школьные фотографии и сжёг все глупые сокровища, хранившие бесценные её прикосновения, но одно случайное, невозможное мгновение — и всё вернулось вспять. Безысходность. Вот что он сейчас ощущал. Кирилл почти ненавидел её за ту боль, которую она ему причиняла; за абсолютно неподвластное разуму чувство: не любовь, не страсть — бессознательное влечение к самому

совершенному на свете существу; болезнь, которая уничтожала его разум.

Это именно то, что его добьет, это уже чересчур, это невыносимо. Хотелось, чтобы оно прекратилось немедленно. Кирилл не знал, что делать, он уже все перепробовал. «Должен же быть какой-то способ? Может, напиться? Хоть на время парализовать алкоголем проклятую память и жестокое осознание собственной ущербности. Или хотя бы просто заснуть, лишь бы не думать ни о чем. Да, так и становятся алкоголиками!» — тут же мрачно добавил Кирилл, но смог подняться и дойти до кухни.

В холодильнике было пусто, поблескивала подозрительная масса в пластиковом контейнере, кажется, это когда-то были мамины котлеты с овощным гарниром, теперь годные, только если он решит свести счеты с жизнью. В верхних шкафах не было ничего похожего на алкоголь, в нижних тоже, только годами недвижимые кастрюли и прочие неизвестного назначения приспособления для кулинарии. На холодильнике, в глубине, Кирилл нащупал пыльную бутылку. Оказалась бутылкой портвейна, без пробки и без содержимого. Алкоголизм откладывался, облегчения не будет.

Обессиленно упав на взвизгнувший диван, Кирилл закрыл глаза и почти провалился в сон, но тут же вновь открыл глаза: да, он жалкий, безвольный слабак, не может справиться с готовыми раздавить его воспоминаниями, он вынужден переживать их снова и снова.

Но это все, что у него есть.

Кирилл

Она появилась в их классе внезапно, когда уже прошло несколько месяцев с начала учебного года, ворвалась в кабинет литературы вместе с неожиданным зимним солнцем, запутавшимся в ее волосах. Она спокойно стояла у доски, пока ее представляли, Кирилл оглох и ослеп, он еще не понимал, что с ним происходит. Ей нашли свободную парту — слишком близко, прямо перед ним, Кирилл не мог туда смотреть. Достаточно было того, что он чувствовал: ее движения, аромат, ее нетерпение, энергию, — он слишком сильно чувствовал всё.

Она успела перезнакомиться со всеми ребятами еще до конца дня, кажется, все были очарованы. Кирилл наблюдал за ее активными действиями три урока подряд, больше всего боялся момента, когда она обратит внимание и на него.

— А тебя как зовут? — услышал Кирилл ее голос, когда был уже совершенно истощен от ожидания. Она говорила немного насмешливо, уверенно, а Кирилл не мог поднять голову от тетради, продолжал старательно и медленно писать, кажется, какую-то бессмыслицу.

— Это Кирилл, — ответил Макс, сидящий рядом. — Он у нас тихоня.

— А, приятно... — не договорив, она сразу отвлеклась.

Кирилл почувствовал, как волна жгучего румянца, особенно безобразного на его бесцветной коже, расплзается по лицу, хорошо, что она отвернулась.

Когда Кирилл немного адаптировался, привык находиться в зоне поражающей волны, он осознал, что новая одно-классница вызывает в нем совершенно противоречивые чувства. Сначала был ужас, Кирилл все правильно понял с первой же встречи, ощутил всю исходящую от нее угрозу: сработал инстинкт самосохранения, а говорят, что у мальчиков он просыпается гораздо позже. Потом родилось и любопытство, и восхищение ее коммуникабельностью — без зависти, без ревности, просто признание выдающихся качеств, как у спортсмена-олимпийца, это ведь недостижимые высоты. После Кирилла охватило нарастающее обожание, близкое к идолопоклонничеству, совершенно неподвластное разуму языческое чувство.

Рядом с ней все выглядели бледно, он же был просто бесцветным, незаметным, ничтожным. А она, шумная, непосредственная, иногда несдержанная, как ураган: там, где она находилась, не было места тишине и покою. Она была вспыльчива, просто взрывоопасна, но отходила также быстро, совершенно непонятно, как в хрупкой фигурке умещалось все это. Она просто завораживала своей энергией, это была какая-то магия: стоило ей захотеть, и мгновенно весь мир начинал подчиняться её желаниям, а она управляла им словно играя, просто от скуки манипулируя ситуаци-

ей, при этом оставалась очаровательно-невинной, практически безучастной к процессу, иногда даже забывая о запущенном водовороте и переключаясь быстро на что-то более достойное.

— Так, народ! — провозглашала она, и все замирали, ожидая, что последует. — Как насчет того, чтобы завтра с утра встретиться в кинотеатре?

Хотя она могла предложить встретиться на субботнике или в очереди на вакцинацию, и все с одинаковым энтузиазмом последовали бы за ней.

Она заполняла собой все пространство класса, весь мир. И разговаривала с миром на «ты», даже с физруком, с этим подлым недоучкой, с которым Кирилл мечтал когда-нибудь поквитаться, но знал, что никогда не решится на это.

В конце третьей четверти начинался ад, кошмар Кирилла, его унижение, он всерьез обдумывал, как бы нанести себе какую-нибудь травму, только бы не ходить на физру, только бы не видеть убивающих своим коварством мерзких алюминиевых конструкций для прыжков в высоту. Кирилл никак не мог разбежаться так, чтобы прыгнуть с нужной ноги, заминался перед самым прыжком и обрушивал планку. Все ждали этого, все смеялись, но позора не избежать, зачет нужно получить, для этого необходимы три попытки с любым результатом. У Кирилла был всегда одинаковый результат: планка слетала и с омерзительным грохотом падала на гулкий пол, в лучшем случае Кирилл вместе с план-

кой шлепался на маты, тогда было еще и больно. И стыдно.

Кирилл тянул время, ведь чем позже настанет его черед, тем меньше свидетелей унижения останется в зале, есть надежда, что ребята разойдутся. Хотя сегодня вряд ли: был последний урок в расписании и после него физрук обещал игру в волейбол, но это не радовало. Как Кирилл ни любил волейбол, как бы он ни был ловок и силен в игре, все будут помнить только его фееричное падение с планкой. Все три его падения.

И тут в зал вошли девочки — они опоздали, их забирали на замер параметров, Кирилл не видел, как девочки вошли группкой, он услышал ропот одноклассников и присвист от физрука.

— Егорова, что за дефиле, где твоя форма?

— Я в форме, Руслан Теймуразович, — спокойно и громко ответила она, и по залу прокатилось звонкое эхо.

— Это ты называешь формой?

— Да! Вот шорты, вот футболка, кеды, всё на месте!

Кирилл поднял глаза и увидел её, в белых атласных коротких шортиках, из-под которых выглядывали красные велосипедки, в ослепительно-белой футболке, опущенной на одно плечо, там виднелась бретелька ярко-желтого топа, и в высоких красных кедах на желтой шнуровке. Кирилл ослеп, ничего более прекрасного он не видел никогда.

— Волосы подбери! — рявкнул физрук, большие ответить ему было нечего.

Через мгновение Кирилл осознал, что она повернулась и идет в его сторону, он ничего не понимал, его сердце билось все быстрее. Она встала всего в полуметре, стянула с запястья пухлую резинку, подняла руки, пытаясь собрать огненную гриву в высокий хвост. Волосы рассыпались, она старалась зачесать их, растопыривая тонкие пальцы, как гребень и, поворачивая голову, оглядывала себя в хореографическое зеркало за спиной Кирилла. С содроганием он заметил полосу кожи, покрытой мурашками там, где приподнялась футболка, Кирилл поспешно отвел взгляд.

— Ильин, чё сидим? Приглашение нужно?

Кирилл плохо соображал, он не думал о прыжке, о неминуемом провале, о том, что сейчас и она поймет, какое он ничтожество. Кирилл забыл об этом, забыл о своем проклятье, об усмехающемся Руслане, предвкушающем веселье, об уже хихикающих девчонках и отпускающих шуточки парнях. Он забыл, что должен сейчас думать о том, как ловчее прыгнуть: сколько шагов нужно сделать, какой ногой и как оттолкнуться, в какой момент повернуть корпус, выгнуть спину, сгруппироваться. Он прошел к точке начала разбега и застыл.

— Мы все замерли от нетерпения, скорее всего, нас ждет личный рекорд сегодня! Итак, первая попытка, выступает Кирилл Ильин! — не сдержался Руслан, Кирилл не слышал его.

Кирилл побежал. Он различал ничем ни примечательную

смазанную массу одноклассников, они что-то кричали, кажется, даже топали ногами, она так и стояла, уже повернувшись лицом, смотрела на него и улыбалась. Без иронии, без насмешки, открыто и искренне и солнечный прямоугольник от высокого окна напротив, освещал ее ярче всех. Этот свет ворвался в него внезапно, подбросил, развернул, Кирилл ощутил мягкий удар в лопатки, переворачиваясь через голову и соскакивая с мата, он еще ничего не понимал, но улюлюканье и топот зрителей заглушали ее аплодисменты.

И Кирилл пропал, пропал навсегда, на долгие двадцать... сколько там уже? — двадцать два года. Он не мог ничего с собой поделаться, она околдовала его, он навсегда запомнил это ощущение: как он был уверенным и сильным, только раз в жизни, только для нее.

Она его не замечала, не обращала внимания на него, на такого невзрачного, тихого и застенчивого, бесталанного и совершенно невменяемого от своей слепой любви.

Он был некрасив — не то чтобы уродлив, но считал себя бесцветным. Злодейка-природа, подиутив, пожалела яркого пигмента, навсегда лишив его индивидуальности. Он, как таракан-переросток, богомол, сливался с окружающей средой: белобрысый, бледный и близорукий. Худое вытянутое лицо, бледные губы и жалкие, бесцветные брови. Он был до-

статочно высок, но сутулится, вжимая длинную шею в острые плечи, и по сей день оставался жилистым и сухощавым, несмотря на свое недавнее неотпразднованное тридцатипятилетие.

Раньше он учился хорошо, почти отлично, пока его не сразил вирус: она требовала, чтобы ее называли редким именем — Аля, но этой чести удостаивались только приближенные, остальные должны были обращаться официально и длинно; а его звали всегда одинаково — просто Кирилл: его честолюбие не выдержало конкуренции с чувством немого восхищения совершенством.

Кирилл сгорал от постоянного желания смотреть на Алю и слышать её голос, ему ужасно хотелось почувствовать, какая на ощупь её кожа — бархатистая и тёплая или, может, гладкая, прохладная или нежная, как у младенца. Алины волосы сияли: когда она сидела возле окна, солнечные лучи запутывались в непослушных локонах и делали их похожими на золотой ангельский нимб. Когда Аля задумывалась, то тёрла тыльной стороной ладони острый кончик носа, когда расстраивалась — покусывала нижнюю губу и потом была просто обворожительна со слегка припухшей, чуть выступающей капризно губой и немного более обычного блестящими глазами.

О какой учёбе могла идти речь, когда Кирилл не мог оторвать от неё взгляда? Аля сидела прямо перед ним, Кирилл чувствовал аромат банановой жвачки, которую Аля тай-

ком жевала прямо на уроке, у нее растрепались волосы, и одна медная прядь легла на парту Кирилла, он не мог с собой совладать, ему до жути хотелось коснуться ее рукой, было важно узнать, насколько она горяча.

— И что тебе нужно? — Кирилл даже не сразу понял, что насмешливый вопрос адресован ему.

— Я... я... л-ластик уронил... — Кирилл почувствовал, как дурацкий румянец горячо разливается по щекам. Он понимал, что никогда не сможет ей понравиться, что вызывает у Али только насмешку, презрение к слабому, убогому созданию, каким он сейчас себя ощущал. Румянец прожигал кожу, это уже не остановить.

— А что, твой ластик упал мне за шиворот? — Аля взбила рукой и без того пышный хвост и провела кончиками пальцев с короткими, но аккуратными ноготками по тонкой царапине там, где несколько непослушных завитков выбилось из прически. Кирилл судорожно сглотнул, с трудом оторвав взгляд от её шеи, нырнул под стол в поисках несуществующего ластика и под взрыв смеха, стукнувшись затылком о край парты, уже побледневший от злости, вынырнул назад.

«Я — ноль, я — пустое место», — твердил он себе весь день. Как бы Кирилл хотел, чтобы это было не так, как он мечтал быть другим!

Ему пришлось пересест на другой ряд, но оказалось только хуже, теперь стало лучше видно Алино лицо.

Аля не любила физику, на физике она скучала, а пожилой учитель, бывший морской офицер (его прозвали 220 вольт, а для краткости — Розеткой) не любил ее. Кажется, он был единственным, кто не попал под ее чары. Кирилл испытывал нечеловеческие мучения каждый невыносимо длинный урок, когда коварный Розетка подгадывал момент, как бы побольнее ударить Алю своим разрядом.

— Сегодня продолжаем тему «Давление твердых тел, жидкостей и газов», и я думаю, стоит напомнить всем нам, как звучит закон Паскаля. На примере работы гидравлического пресса нам хочет все объяснить... бежит к доске... уже рвет на себе рубаху или волосы... бравый матрос... матрос...

Кирилл видел, что палец физика, не обращающего внимания на несколько поднятых рук, выскивает в журнале жертву, замирает, покачивается и приближается к хвосту списка, там, уже после оформления журнала, была добавлена ее фамилия, это Кирилл видел даже со своей близорукостью. Розетка уже поднимал взгляд, чтобы сквозь густые белые брови посмотреть на Алю, опустившую голову, нервно теребящую несчастную бумажную закладку.

— Я расскажу про гидравлический пресс! — вскочил с места Кирилл и, не дав физику опомниться, начал с зако-

на Паскаля. А вот дальше было сложнее, он никак не мог вспомнить принцип работы пресса, это же так просто, он это знал еще в семь лет... Кирилл потерял голову от счастья, от того, что Аля облегченно откинулась на спинку стула, она улыбается, она вне опасности., Начав с энтузиазмом, Кирилл сник и что-то мямлил под хихиканье класса.

— Скажи, Ильин, а ты зачем руку-то тянул? Ведь ты ничего не знаешь! У тебя уже есть две тройки, нужна ещё одна? Только время зря потратили... Брысь на место, открываем учебник! — Раздосадованный физик, поначалу обрadowанный активностью своего любимого ученика, бывшего когда-то в числе лучших, а теперь такого вялого, пассивного, не мог знать истинной причины сегодняшнего энтузиазма Кирилла.

Аля тоже не знала, но Кирилл был счастлив, он готов получить хоть сто троек, он выставит себя на посмешище сколько угодно раз, он сделает это снова и снова, если она будет в опасности, он сделает для нее все!

С тех пор жизнь приобрела новый смысл. Кирилл чувствовал себя героем-партизаном, работающим в тылу врага, но его подвиги в глазах несведущих одноклассников выглядели как минимум странно, и, хоть он всеми силами пытался обращать на себя как можно меньше внимания, иногда всё же становился всеобщим посмешищем. Но, честно говоря, Кирилла это мало беспокоило. Мнение всего класса, да хоть всей школы, не значило ничего.

Он был счастлив оказаться ей полезным и поначалу даже свято верил в то, что Аля заметит и по достоинству оценит все его усилия. Но она ничего не подозревала — была слишком занята, чтобы обращать внимание на то, что происходит за пределами её интересов. Аля общалась практически с половиной школы, вела бурную переписку и получала послания из других классов, успевала за перемену не только сбегать домой и списать задачу по физике, но и поссориться и помириться с парой подруг, а также пококетничать с кем-нибудь из старшеклассников.

Аля активно участвовала во всём, в чём можно было участвовать: рисовала стенгазеты и пела в хоре, заседала в совете школы, шефствовала над малышкой. На любом школьном мероприятии ей отводилась главная роль. Ей ничего не стоило сшить за одну ночь карнавальный костюм, или придумать сценку для концерта, или за два дня научиться бить в барабан. Она каким-то образом умудрялась даже участвовать в олимпиадах по математике (при её-то нетвёрдой четвёрке), а уж на спортивных соревнованиях ей не было равных! Эстафета, волейбольный или баскетбольный турнир, лыжные соревнования и плавание на нормы ГТО — Аля рьяно бросалась спасать честь школы. И, восхищаясь её совершенством, Кирилл всё больше ощущал свою ничтожность.

Кирилл скорчился на диване, он оцепенел от навалившейся на него тяжести, не мог пошевелиться, не мог прогнать мучившие его воспоминания. Или не хотел. В минуты внезапного прояснения сознания он начинал подозревать собственный злой умысел, кажется, он специально вызывает эти видения. Он зажмурился, сжал веки так крепко, что выступили слёзы, стиснул голову руками, готовясь к самому болезненному воспоминанию детства. Кирилл помнил всё, каждое мгновение, до мельчайших подробностей, которые время не пожелало ни стереть, ни смягчить хоть немного, не дало возможности переосмыслить и трансформировать в нечто менее травмирующее.

В девятом классе Аля влюбилась. Кирилл понял это сразу: она стала намного тише, иногда целый день не подавала голоса, часто смотрела в окно, словно пыталась разглядеть в серой московской действительности предвестники наступающей весны. На переменах она куда-то пропадала, позабыв ожидающих подружек, и от её прежнего энтузиазма не осталось и следа. Это заметил не только Кирилл, но и их «классная мама», Нина Фёдоровна, чутко следившая за своими учениками. Учительница предпринимала попытки «вернуть Алю в коллектив», ибо объект её любви (Кирилл даже и не хотел знать, кто он) был из старшего класса.

Стоял февраль, сырые оттепели сменялись жестокими выюгами, небо нависло грязно-серыми тучами низко над землей, и влажный ледяной ветер не приносил свежести. На пятницу была назначена вечеринка в честь 23 февраля. Девчонки всю неделю запирались с «мамочкой» в кабинете и что-то бурно обсуждали. Аля находилась в каком-то особенном возбуждении, только что-то подсказывало Кириллу, что это не было связано с готовящимся «сюрпризом» для одноклассников.

Явка на мероприятие была строго обязательна, кроме того, на следующий день все освобождались от первого урока, так что, несмотря на надвигающееся дурное предчувствие, Кирилл всё же был вынужден принять участие.

«Мамочка» потрудились на славу: по её указанию каждая из девочек окружила вниманием и заботой порученного ей мальчика. Некоторым, правда, досталось по два подопечных, парней в их классе было больше чем девочек. Але достался Макс и... Кирилл.

Аля была обворожительна, энергична и непосредственна: она усадила их за стол, предлагала самые аппетитные бутерброды, разливала газировку, лишь изредка, в минуты затишья, прислушивалась к звукам музыки из соседнего кабинета, в котором одиннадцатый «А» уже начинал танцевать. В отличие от других девочек, Аля совершенно не стеснялась ухаживать за мальчиками, лучезарно улыбалась, шутила, полностью войдя в роль радушной хозяйки. Но

когда стали собирать со столов и освобождают место для танцев, она вдруг загрустила и даже попыталась сбежать, видимо, в соседний кабинет, откуда слышались первые аккорды всеми любимого медляка «Скорпионс». Возвращенная на место, к исполнению своих обязанностей, раскрасневшаяся от злости, она тряхнула копной необыкновенных своих волос и звонко, как Кириллу показалось, на весь класс, нет, на всю школу, заявила:

— Кирилл, пойдем танцевать!

Услышав впервые из её уст своё имя, а не фамилию, даже не уяснив смысла сказанных слов, Кирилл сначала побледнел так, что побелели даже губы, а потом понял, что она сказала; его щёки загорелись безобразным ярким румянцем, который он особенно ненавидел. Кирилл с трудом поднялся на ноги, но Аля уже тянула его за рукав в самый центр ещё пустой площадки, расчищенной для дискотеки.

Он застыл, одеревенел, три года занятий балльными танцами канули в небытие: Кирилл с трудом передвигал негнущиеся конечности, не видел ничего и не слышал, лишь чувствовал её дыхание на своей груди и ощущал пульсирующими кончиками пальцев выступающую косточку лопатки на её спине. Ему казалось, что от Али исходит жар, ее энергия, он ощущал это почти не дотрагивающейся до ее спины ладонью, было страшно вот так просто прикоснуться к ней, но постепенно эта ее магия, она проникала в него, такого холодного, замерзшего от ужаса, от необыкновенной нелов-

кости, и Кирилл теплел. Он стал двигаться увереннее, даже смог изобразить несколько элегантных па, вполне умело развернул ее, когда они чуть было не столкнулись с другой парой и заметил, уже отворачиваясь, удивленный взгляд кого-то из одноклассников.

Кирилл был безмерно счастлив уже одними тактильными ощущениями, жадно впитывал, старался запомнить всё до мельчайших подробностей: как соскальзывали его ладони с гладкой ткани её футболки, как непослушный завиток тщательно разобранных на аккуратные спирали волос щекотал его шею. Он не видел её лица — она опустила голову — и, к счастью, не замечал, как она с тоской поглядывает на часы. Для Кирилла время остановилось, бесконечность была прекрасна.

— А ты неплохо танцуешь... оказывается! — сказала Аля и подняла на него взгляд. Ее лицо было слишком близко, глаза потемнели в полумраке кабинета литературы. Кириллу казалось, что он сейчас взорвется от переизбытка эмоций, он готов был схватить ее и взлететь, он был уверен, что умеет летать. И он забыл, что, кажется, боялся с ней говорить.

— Это стыдно вспомнить, но я занимался бальными танцами, целых три года.

Она удивленно подняла брови:

— Ты? Танцами?

— Ага, мама заставила, все пыталась излечить меня от

неуклюжести.

— А я вот так и осталась неуклюжей! Всегда мечтала научиться танцевать, но, кажется, мне это недоступно. Хотя... нужно включить это в планы, думаю, если упереться, то даже у меня получится.

— У тебя все получится! — Кирилл был уверен, а сам с восторгом подумал, что Аля призналась в своем изъяне без стеснения, просто, и ее недостаток тут же превратился в необыкновенное достоинство, только она так умела.

— Подожди. — Кирилл уже видел, что ее глаза стали хитрыми, она улыбалась. — А ты носил эти обтягивающие брючки, рубашку с открытой грудью и тебе делали зализон на зигзагообразный пробор?

— Кажется, моей партнерше такое делали, мне просто зализон, — пошутил он, Алина насмешка не была обидной, это и Кириллу показалось забавным.

Пока они смеялись, мелодия закончилась, Кирилл с сожалением опустил руки, отвел Алю к ряду стульев, где ее встретили хихикающие подружки. Потом устроили игры, что-то необыкновенно глупое, бегали вокруг стульев, кто-то обязательно падал, Кирилл хотел отсидеться, но Аля велела участвовать. Пили чай с тортами, Кирилл ненавидел торты с масляным кремом, но было приказано есть, и он ел, целых два куска, Аля подливала чай. Потом снова включили музыку.

— Мы не договорили, — сказала Аля, и они пошли тан-

цевать. Обсуждали звездное небо, несомненно присутствующее где-то за отражающими танцующие силуэты стеклами и плотными тучами, нависшими над светящейся всеми окнами школой. Аля утверждала, что в Москве не видно Большой Медведицы, Кирилл пытался спорить. Потом выясняли, кто из них больше соответствует гороскопу, это уже когда танец закончился и присели передохнуть. Кириллу было на удивление легко с Алей, он даже почти не краснел, когда она задавала ему очередной глупый вопрос, и в какой-то момент, по-настоящему увлечшись беседой, придвинулся к ней ближе, чтобы сквозь грохот музыки она смогла его расслышать. Кирилл чувствовал, что ей действительно интересно, и это воодушевляло его красноречие.

Брошенный без внимания Макс пытался участвовать в разговоре, Кирилл незаметно потеснил его. Включили музыку и объявили последний танец, Кирилл, все еще блокируя телодвижения Макса, протянул Але руку. Она вложила свои пальцы в его ладонь и грациозно поднялась, Кирилл боролся с искушением дотронуться до ее волос губами, Аля прислонилась лбом к его плечу. Кирилл старался двигаться как можно более плавно, плечо горело, и тепло проникало в каждую клеточку обалдевшего от счастья организма. Аля подняла голову, она смотрела ему в глаза, Кириллу казалось, что его затягивает в их воронку, с каждой секундой он приближался к своей гибели. Безвозвратно.

Повисла пауза, он вновь потерял уверенность, боялся упу-

стить ее, уже такую близкую. Она стала серьезна, сказала, что не хочет идти домой, пожаловалась на родителей, он знал, что это приемная семья, все уже знали, но это также было ее достоинством. Але казалось, что эти люди, приемные родители, ее используют.

— На самом деле я им совершенно не нужна! Они все в своей работе! Мы с бабушкой жили совершенно по-другому, здесь все не так! Иногда я думаю, мне было бы лучше там, в интернате. Я бы приспособилась. По крайней мере я бы сама решала, что мне хорошо, а что плохо.

Кирилл кивал, он боялся спугнуть момент и старался как можно тише дышать. Она не обращала на него внимания, она завелась, разглагольствовала, размахивая свободной рукой:

— Понимаешь, я могу называть их папа и мама, я и называю их так, но не чувствую ничего при этом, ничего особенного. Мне все равно, произношу я эти слова или нет. Ничего не ощущаю... — Она помолчала, у Кирилла остановилось сердце, ему показалось, что она сейчас заплачет. Но Аля решительным движением смахнула с лица непослушную прядь.

— Вот ты, что ты чувствуешь к родителям?

Она застала его врасплох, Кирилл не сразу сообразил, что ей нужен ответ.

— Ильин!

— Чувствую... — пролепетал он. Кирилл не знал, что

сказать, он не умел выражать свои эмоции словами, даже про себя, не то что вслух.

— Ну ты, вот когда это произносишь, ты что чувствуешь?

— Не знаю... наверное, что они мои родители, папа и мама...

— Вот! А я этого не чувствую. Совсем. Называть называю, но не по-настоящему, как будто вру. Понимаешь?

Кирилл не понимал, слова как-то плохо проникали в мозг, голова совсем оступела, он находился в непонятной для себя эйфории и мечтал, чтобы танец длился вечно. Кирилл уяснил только одно: Але нужна его поддержка, его защита. Он хотел закрыть ее собой, уберечь от внешнего воздействия, от этих людей, которые реализуют какие-то свои амбиции, приютив сироту, которые манипулируют ею; сострадание переполняло Кирилла, он еле сдержался, чтобы не прижать Алю крепче.

Кирилл наклонился к ней, держал ее уверенней, Аля подняла к нему лицо, ее глаза казались совсем темными. Музыка звучала где-то вдалеке. Блики от зеркального шара запутались в медных волосах. Ее рука лежала в окрепшей ладони Кирилла, другой Аля полюбняла его за шею, проскользнув пальцами за ворот рубашки, он до сих пор чувствует их тепло. Кириллу показалось, в ее глазах блеснули слезы, сердце разрывалось от нежности и любви. Наклоняясь к ее лицу, он уже ничего не видел, только чувствовал Алино дыхание,

горячее, неровное дыхание на своих губах. Все ближе. Зажгся свет. Музыка уже не играла. Объявили конец праздника.

Аля охнула, вырвалась из его рук и убежала в распахнутую на обе створки дверь — вносили парты из холла. Убежала куда-то в темноту школьного коридора, навстречу силуэту, четко очерченному на фоне окна, Кирилл не придал этому значения, он слышал только пьянящий звон недавнего счастья, помнил только ее лицо.

Кириллу вручили пакеты с мусором, он поплелся через боковую дверь к контейнеру. В классе смеялись, расставляли парты, искали свою одежду, кто-то кричал в коридор, чтобы подождали, не уходили. Он вернулся в опустевший класс, никого не было, Нина Федоровна ждала его, чтобы запереть кабинет. Кирилл шёл домой, разбрызгивая холодные лужи, забывив надеть шапку, в распахнутой куртке, но мама почему-то его не ругала, а может, и ругала, только он не заметил.

В ту ночь Кирилл даже и не пытался заснуть. Лежал, не раздеваясь, боялся расплескать переполнявшие его чувства, старался сохранить бесценные моменты. В голове звучала последняя мелодия. Кирилл упрямо таращился в потолок, задыхаясь от счастья и в темноте его подсознания маячил на фоне окна, подсвеченного фонарем с улицы, жестко очерченный широкоплечий силуэт.

Под утро Кирилл всё же задремал и, проснувшись от звонка будильника, уже не ощущал прежней эйфории. Ему

было плохо, очень плохо. «Интересно, именно так себя ощущаешь, когда похмелье?» — подумал Кирилл, потому что вчера он точно был сильно пьян, и в пьяном бреду ему привиделось то, чего не могло быть в действительности. Он должен пойти в школу, увидеть Алю вновь и убедиться, что всё было наяву. Кириллу стало страшно.

Родители ещё спали. Хлебнув холодного чая, Кирилл потихоньку выскользнул из квартиры и поплёлся в школу. Субботнее утро было на редкость гадкое, сырое, серое. Грязный снег, подтаявший накануне, за ночь схватился жёсткой корочкой. Было скользко, ветер пронизывал насквозь. Пришлось мобилизовать все свои силы, это почти удалось, и, входя в класс, Кирилл чувствовал себя практически здоровым.

А всё оказалось так просто и, наверное, предсказуемо: Аля его не заметила. Пришла ровно за минуту до звонка, мрачная, немного бледная, с непривычно приглаженными, заплетёнными в тугую косу волосами. Плюхнулась на стул, бросила под ноги рюкзак, звонко шлёпнула тетрадкой и глухо — учебником. Кирилл весь урок просидел, не шелохнувшись, боясь поднять слезящиеся глаза и стараясь как можно тише дышать. Он не слышал неутраченного шепота вокруг, не реагировал на подколы девчонок и насмешки ребят. Да, конечно, и бледность, и припухшие веки, и её рассеянность, и непривычно тихое, так не свойственное ей поведение. Всё это не имело никакого отношения к тому, что вче-

ра происходило в их классе.

Кирилл

Жужжание телефона невыносимо, где-то под диваном, Кирилл забросил его туда. Он отчаянно не хотел слышать этот звук, не хотел отвечать, отказывался возвращаться из своих воспоминаний.

Телефон не унимался, прыгал по полу, придется встать, чтобы отыскать его. Кирилл попытался подняться, но тут же вновь упал на подушку и был вынужден ждать, пока утихнут круговерть внезапно возникших из сумрака предметов, остатков дрёмы и полуистлевших ощущений. Но его не хотят оставить в покое, опять звонят, да, он знает: ждут на приладку, без него не смогут справиться, он должен ехать в типографию прямо сейчас. Кирилл нащупал телефон, ответил на все десять сообщений и поплелся в душ.

Горячая вода обжигала кожу. Кирилл заметил, что слишком сильно открутил кран, только когда от скопившегося пара стало трудно дышать — совсем как в детстве, когда он, мучимый жестокой болью в груди (мама думала, что в лёгких, а на самом деле — в душе), три недели почти умирал.

К маминому удовольствию, в конце года Алё забрали из школы и перевели в МИДовский интернат. Как Кирилл оканчивал школу, учился в институте — было не важно. Без неё всё было не важно, без нее он не жил — существовал,

держался только воспоминаниями об Але. Он сбежал от родителей сразу после выпускного, поступил в полиграфический в Питере, но потом умер отец, и им с сестрой стоило больших усилий привести в чувство маму. Кирилл вернулся домой, начал работать в той самой типографии. Далее много всякого было — глупо, и вспоминать не стоит. Затем всё как-то потихоньку наладилось, и в последние годы Кирилл ощущал себя почти нормально. Работал без выходных и перерывов на обед, пять лет не был в отпуске — не мог оставить своё разросшееся полиграфическое производство. Или не хотел остаться наедине со своими мыслями.

Старое зеркало, облупившееся по краям, запотело. Кирилл провёл по его поверхности раскрасневшейся ладонью и расчистил небольшое окошко, чтобы разглядеть свою физиономию, но зеркало запотевало вновь. Правильно, нечего. Его лицо за эти годы практически не изменилось, не приобрело ни цвета, ни индивидуальности: он по-прежнему ощущал себя бесцветным богомолем, сливающимся с окружающей средой. Волосы отросли слишком, падали на глаза, он ненавидел свои светлые ресницы, бледную кожу, унылое вытянутое лицо.

— Ну что, — сказал он вслух, — это то, о чем ты мечтал? Этого хотел? Чтобы она увидела, чтобы она узнала, какой ты неудачник? Разве такой был план?

Вечерний город сиял яркими огнями, тротуары отдыхали от наплыва пешеходов; в метро в пустых вагонах в центр засыпали редкие пассажиры. Кирилл, стоя у закрытой двери, почти смог погрузиться в привычные дорожные размышления. Он просчитывал, получится ли за ночь отпечатать весь заказ, как долго будет сохнуть краска, как всё же попытаться выкроить денег на покупку нового оборудования — позабыв о своих подтвержденных подозрениях, ведь теперь вся эта суэта, кажется, не имеет смысла.

В типографии, окунувшись в рабочую атмосферу, среди вороха обрезков, рулонов бумаги, под стоны старой офсетной машины он, казалось, совершенно переключился.

— Кирилл, ничего не получится, нужно сказать заказчику, посмотри. — Игорь шёл за ним с печатным листом в руках, демонстрируя ещё свежий оттиск. Кирилл лишь мельком взглянул на лист, он еще с порога понял, что там увидит.

— Я говорил, будем печатать на цифре!

— На цифре не получится точно!

— Этот заказ будем печатать на цифре! — Кирилл не дрогнул под чуть мутным взглядом Игоря.

— Но мы вывели пленки!

— И?

— Я же говорил, не нужно соглашаться на бежевый цвет!

Видишь, полосит...

— Я, к сожалению, вижу еще кое-что...

Когда Игорь деланно-сосредоточенно вглядывался в печатный лист, словно видел его впервые, Кирилл обреченно отметил, что как актер тот бездарен. Да, печатник все заметил и, как это водится, хотел бы пропустить. Кирилл разозлился, вскипел мгновенно, только представив, что бы произошло тогда — мало того, что старая машина не могла выдать нужное качество, еще и слетел градиент! Двести отчетов, по шестьдесят четыре полосы, которые чуть было не напечатали, а напечатали бы, если бы Кирилл не велел дождаться его... В голове не укладывалось, как можно допустить такое!

— На сегодня ты свободен! — стиснув зубы прошипел Кирилл, ему казалось, он сейчас готов убить кого-нибудь. Вот, например, его, Игоря, от которого совершенно отчетливо пахло армянским коньяком. Тем самым, что оставался в кабинете Кирилла с последнего праздника.

Уже было не до рефлексии, не до отчаяния, которое так прочно поселилось в нем, нужно действовать, и Кирилл, окупившись в процесс, совершенно позабыл все, что произошло с ним всего несколько часов назад.

Этот заказ был важен, заказчик — их ключевой клиент, без него они пропадут. Весь коллектив центрального офиса и типографии трудился над этими годовыми отчетами: почти два месяца ушло на верстку, перекроенную множество

раз, потому что чуть ли не ежедневно заказчик вносил какие-то изменения, добавлял главы, графики, таблицы, а под конец потребовал поменять цветовой оформление, уже после подписания макета в тираж — «просто приняли такое решение». Наконец добрались до тиражирования, но печатник решил, несмотря на приказ Кирилла, втихую отпечатать на аналоговой машине вместо цифровой, с которой он пока не освоился, и вот только теперь выяснилось, что еще и градиент слетел, и вместо нарастающей в две стороны плашки получилась, неровно затухающая где-то на середине пути, комета.

Время поджимало, никто не будет переносить совет директоров, отчеты нужны через два дня! Размышлять некогда, бог с ними, с дополнительными расходами, Кирилл распорядился готовить цифровую машину, несмотря на скепсис печатника, но Кирилл уверен, что справится. Сам. Он вытеснил Игоря из цеха и помчался к дизайнерам, следить за коварным градиентом.

И вот макет к печати готов, техника заряжена, наконец-то на сто первом оттиске удалось получить тот самый бежевый цвет, наверное, самый нелюбимый цвет для любой печатной машины; и именно тогда, чтобы больше ничего не пропустить, Петрович включил дополнительный свет.

Он просто повернул допотопный выключатель и запустил фейерверк. Сначала заискрил потолок, потом, к счастью быстро, выключился автомат и это спасло типографию

от пожара. Когда осыпались искры во внезапную темноту, именно тогда, кажется даже через паузу — все успели сделать облегченный вдох после стрессовой задержки дыхания, — тогда новенький ризограф, который спокойно тиражировал этикетки для булочек, выпустив облачко озонowego дыма, последний раз мигнул зелёными кнопками и погас навсегда. А с ним и старый, но ещё вполне пригодный плоттер и пара компьютеров вместе с источником бесперебойного питания. Цифровая машина, увлеченно штампующая злосчастный тираж, остановилась не сразу, она издала душераздирающий стон, переходящий в скрежет обиженных валов, безбожно сминающих ценные листы плотной дизайнерской бумаги, смазывающих непросохший текст, разбрызгивающих краску, восемьдесят евро за банку.

— Всем спокойно! — раздался в темноте голос Кирилла. — Это всего лишь короткое замыкание! Сейчас все поправим!

«Наверное...» — прибавил он про себя, с ужасом осознавая, что по цеху расползается запах паленой резины.

Когда явилась Людмила, Кирилл не сразу вспомнил, что вызвал ее сам, все забыл, был слишком увлечен борьбой, в сложной ситуации он чувствовал себя комфортно и, решая проблемы одну за другой, испытывал удовлетворение побе-

дителя. Но уже десять, на пороге стоит Людмила, она впустила в кабинет и сквозняк, и весь так удачно забытый вчерашний день. Издалека было видно, что она тщательно готовилась к встрече — одна облегающая и неприлично короткая юбка чего стоила, не говоря уже о, как предполагалось, соблазнительно полуобнаженной груди! Кирилл только тоскливо вздохнул и, пропустив Людмилу, интенсивно виляющую бёдрами, как проститутка на Ярославке, вперёд себя в кабинет, на всякий случай оставил дверь открытой. С такой опасно оставаться наедине в тесном помещении, тем более разыгравшийся ветерок сможет хоть немного отбить удушливый аромат духов Людмилы.

Люда, справедливо полагающая, что главная защита — это нападение, яростно ринулась в атаку, и если бы Кирилл за пару лет совместной работы не научился предугадывать все её действия наперёд, то, наверное, растерялся бы от такого напора. Он дал ей высказаться и, когда через несколько минут эмоционального монолога, не встретив возражений, она так же внезапно умолкла, Кирилл, понимая, что спорить и выяснять отношения с ней бесполезно, неожиданно даже для самого себя (что уж говорить о Людмиле) сказал:

— Люда, пиши заявление. Можешь отработать две недели здесь, в центральном офисе, а можешь быть свободна прямо сейчас. Передашь все текущие дела Андрею. Только есть одно условие: ты вернёшь двадцать одну недостающую квитанцию. Иначе мне придётся объясняться с налоговой, то есть,

рассказать им всё, как оно было. Тогда к тебе могут быть претензии...

— Ты не понимаешь! — возмутилась Людмила. — Тебе хорошо рассуждать, ты-то себе премии регулярно выписываешь! А мне жить негде! Мне нужна квартира! Я не могу жить на такую зарплату!

— Ты получала бланки строгой отчётности под роспись, они висят на тебе... — Кирилл удивился своему спокойствию и даже не думал отвечать на выпад по поводу своей несуществующей премии — видимо, просто не осталось эмоций.

В ответ Людмила швырнула на стол пухлый конверт и возмущённо, шумно и резко подскочила и почти бегом выбежала из кабинета. В конверте лежали квитанции и деньги.

Вот и всё — пятнадцать минут.

Алина

«Так, спокойно, вполне ещё можно успеть: час с лишним времени. Если пробок, конечно, не будет. Но об этом лучше пока не думать, подумаю об этом завтра... Завтра тоже не надо, завтра с утра штормим по конкурсному брифу, потом встреча с новым клиентом, в пятницу тимбилдинг, в общем, до субботы не надо. А в субботу — пусть хоть вся Москва стоит, я никуда не поеду, я спать буду! Как хочется спать...

Стоп, не спать! Ты куда лезешь?! Я тоже туда хочу! Куда я лезу? Я направо — мне туда надо! Да что вы говорите, вас тоже! Туда же! Я бы сказала куда, только я такие слова в своей речи не употребляю, хоть очень хочется! А иногда другими словами и не получается выразить... ёмкие они такие, эти словечки, весомые такие — точно отражают состояние некоторых процессов. Вот, например, на вопрос «Как дела на работе?» Верочке приходится долго и нудно рассказывать, чем я занимаюсь по двенадцать часов в будни, а иногда и в выходные. Она не верит, что такое может быть, и смеётся, думает, что я шучу. А вот подруге или бывшему коллеге я могу сказать одно слово, отражающее состояние дел, и они осознают всю серьёзность происходящего. Причем есть несколько вариаций для придания сказанному нужной сте-

пени драматизма.

Итак, существуют три стадии: первая, выражаемая мягко и интеллигентно, почти литературно — это мелкие неприятности, разрешимые, но приносящие хлопоты и заставляющие не то чтобы понервничать, но поддерживающие организм в состоянии лёгкого раздражения и боевой готовности.

Следующая стадия, выражаемая чуть более грубо и длинно — когда неприятностей много и приходится прикладывать ощутимые усилия, чтобы всё разрулить. Но, как это ни прискорбно, разрулить всё никогда не получается.

А вот третья стадия... Когда нервозность сменяется злостью и отчаяньем, когда всё идет... в общем, не так, как было запланировано ранее; одно наваливается на другое — её даже другим словом и не выразить. Четыре простые буквы, и всем всё становится ясно. Но есть и четвертая стадия... об этом и думать-то не хочется.

Ну вот и приехали!.. Всё?.. Всё!.. Может, ещё не всё? Только до светофора? О-о-о! А там-то!.. Здравствуй, столица нашей родины! Что же это творится-то! Сорок минут осталось, а здесь такое! И никуда не деться! Пустите меня, я же маленькая, я по набережной поеду! А вы зачем туда? А грузовик куда собрался? Да с подмосковными номерами! Иди отсюда, в область, нечего тут занимать машиноместа и отравлять наш столичный воздух своими жуткими чёрными выхлопами! Помогите, зажали! Дайте, дайте я сюда протиснусь. Извините, я не хотела. Простите, я на минутку, толь-

ко спросить... Простите, бабушка, нет, я не буду вас давить, немножко проеду по тротуару... Я же такая маленькая, и не автомобиль почти...

Упс!...»

— Извините, пожалуйста, сержант! Я честно-честно больше так не буду!

— Жутко опаздываю! Хотела срезать через двор...

— Да, я знаю, все опаздывают... но меня уволят! А у меня кредит на эту чёртову машину!

— Я действительно никогда не нарушаю! Я даже пешеходов всех пропускаю! И соблюдаю скоростной режим!

— Помогите, я в отчаянии!

— На Пресню... Через пятнадцать минут начинается встреча...

— А потом направо? И под мост? А там, точно, свободно?

— Спасибо! А можно я вас поцелую?

«Глубокий вдох, спокойствие, всё под контролем. Спасибо, Боже, что помог мне добраться! Что послал милого дэпешника. Что клиент согласился приехать в агентство и не пришлось тащиться в их загородный офис. Что я не опоздала к закрытию служебного входа, какое убийственное нововведение от начальства, еще минута и пришлось бы идти через парадный холл, через весь офис и мимо кадровиков,

внимательно наблюдающих за недисциплинированными сотрудниками!

Отражение в зеркале что-то не очень симпатичное — слегка помятое, но зато румяное. Ну, да и ладно! Я не замуж за них иду свататься, а презентовать результаты кампании по продвижению их «инновационного снекового бренда». И результаты неплохие, на двадцать пять процентов лучше, чем было запланировано. Так что нет повода беспокоиться, хотя Гарри всегда найдёт, к чему придраться... Ой, уже пора? Как же так, я ещё не готова, я назад хочу, домой, к маме! Хорошо, не к маме — к сыну! Отпустите! Помогите кто-нибудь!»

— Здравствуйте, доброе утро! Приятно вас снова увидеть, Николай, Лена! How do you do, Harry!

— Правда?! Thank you! (Знал бы ты, что мне пришлось пережить, чтобы добраться сюда из Лианозова! Лучше твоей утренней пробежки в Лужниках! Сам-то пешком сюда пришёл из соседней высотки? Вот поездишь с моё по городу-герою и тоже будешь так замечательно выглядеть, лицемер, — из-за тебя на английском презентовать придётся, а оно и без того непросто!)

Стараясь унять разогнавшийся пульс, Алина прошла вслед за представителями клиента в переговорную и поспешила оборудовать себе удобное место, так чтобы отрезвляющий ветерок из кондиционера хоть немного остудил её разыгравшийся румянец. Гости расселись напротив, коллеги устроились по левую руку, оставив рядом с Алиной ме-

сто для начальства. Алина ещё раз чертыхнулась про себя, потом мысленно сложила в молитве ручки и возвела глаза к небу — навесному потолку с вмонтированными в ниши светильниками: «Господи, помоги мне ещё разок! Последний за сегодня, честное слово!»

Алине не хватило оставшейся неполной минуты, чтобы отдышаться, когда в переговорной появилось вечно недовольное, с поджатыми в неодобрении губами, начальство: Александра Игоревна Шенгелия, Алекс, как она себя разрешала называть некоторым приближенным, а за глаза все подчиненные называли её Снежной королевой за удивительную безэмоциональность и холодный разум, не подводящий ее никогда. Александра пронзила подчиненных насквозь осуждающим взглядом, проигнорировав их вялые приветствия, за руку поздоровалась с гостями. Некстати бросило в жар — Алина чувствовала, как все сильнее горят её щеки и, готовясь сказать первое слово, уже обреченно осознавала, что сейчас её голос будет позорно дрожать.

— Доброе утро всем ещё раз, — выдавила она из себя. — Давайте начнем. Мы подготовили отчет о проведенной кампании... и готовы вам сейчас... э... показать, что у нас получилось. Let's start. — Она усиленно щёлкала мышкой, но упрямый компьютер никак не хотел выводить на экран первый слайд. Повисла неловкая густая тишина, Алина слышала только своё неровное дыхание и противно-нетерпеливое жужжание проектора. Левой щекой она ощущала сверлящий

взгляд Снежной королевы, от которого уже немела рука и начинал дёргаться в нервном тике глаз.

Наконец Алина совладала с техникой, загрузила презентацию и чуть ли не со вздохом облегчения, сразу взбодрившись и уже не обращая внимания на помехи слева, стала рассказывать о деталях кампании, правда, периодически сбиваясь с английского на русский, но каждый раз спохватываясь и повторяя всё специально для Гарри.

Алина увлеклась рассказом и почти успокоилась: видела довольную ухмылку Николая, мысленно подсчитывающего размер своего годового бонуса; ещё немного нервное, но уже улыбающееся миловидное личико Лены; несильно изменившееся внешне, но слегка порозовевшее от удовольствия чопорное лицо Гарри. Коллеги с энтузиазмом кивали головами, и если бы не присутствие Снежной королевы, то, наверное, уже начали бы отпускать какие-нибудь шуточки, и обстановка стала бы, как часто бывало на встрече с этим клиентом, абсолютно раскованной и неформальной.

Даже сноб Гарри обычно поддавался общему настроению и хотя и продолжал задавать свои дотошные вопросы, но переходил с английского на жутко ломаный русский, что было признаком его необыкновенного расположения к окружающей обстановке.

Познания Гарри в великом и могучем сводились к великолепному владению всеми видами вопросительных и вводных слов, отдельных наречий, а также междометий и не все-

гда цензурных ругательств. Остальная часть русской лексики ему была неведома и, надо сказать, абсолютно не нужна: Гарри не имел совершенно никакого языкового барьера, активно использовал жестикуляцию, добавлял английский и польский, и получалось всё очень понятно. Его коллеги говорили, что в гневе он страшен, жутко ругается чуть ли не матом, причём совершенно без акцента, и никто из сослуживцев не решается рассказать ему об истинном назначении используемых им выражений, источником которых явно был какой-то криминальный сериал. На встречах же Алина видела только аристократичного и немного чопорного, молодого ухоженного мужчину с прекрасным мужским маникюром, в сшитом на заказ точно по фигуре костюме и всегда в наполированных до блеска ботинках. По слухам, Гарри подыскивал себе русскую жену, что подстёгивало его женское окружение к активным привораживающим действиям. Видимо, в этих постоянных внимании и заботе со стороны женщин и была причина того, что Гарри вот уже пятнадцать лет жил в России и даже и не собирался возвращаться на родину.

Алина старалась скрыть улыбку всякий раз, когда замечала, как Леночка стреляет глазками в сторону своего импозантного начальника и сияет, как от комплимента, всякий раз, когда он перебивает её восторженные восклицания своим очередным каверзным вопросом. Алина чуть было снова не сбилась, да, Гарри харизматичен, впрочем, это не мой ти-

паж, подумала тут же она.

Слева веяло холодом неодобрения, градусов уже где-нибудь на минус пятьдесят. Алина чувствовала, что, как только закончатся милые и безобидные вопросы Гарри и клиенты, довольные результатами, уедут готовить отчет для своих боссов, Алину и команду ждут дополнительные разбирательства с, несомненно, более суровым судьей. Краем глаза Алина наблюдала, как растет длинный перечень комментариев, которые Снежная королева бисерным нечитаемым почерком аккуратно выводит в своем блокноте. Каждый раз, когда Снежная королева подчёркивала двумя жирными чертами написанное или ставила острый, как копье, восклицательный знак, у Алины сводило спазмом желудок и перебивало дыхание. «Господи, сделай так, чтобы я сейчас же умерла и воскресла, только когда всё это мучение закончится!» — отчаянно думала Алина, собирая бумаги дрожащими, непослушными бескровными руками.

Прощаясь, Гарри, старательно поджимал губы, не давал им расплыться в довольной ухмылке и ещё раз высказал сдержанное одобрение хорошо проделанной работе (вчера он получил первые отчёты по продажам, и это, на самом деле, было более весомым подтверждением успеха, чем Алинина презентация); Николай все ещё проводил в уме калькуляцию будущей премии и прикидывал, сможет ли он заменить свой потрёпанный седан на какой-нибудь более достойный джип; и лишь только Леночка с её женской прони-

цательностью сочувственно сжала Алине локоть и прошептала: «Держись, всё ведь вышло круто, придраться практически не к чему!»

Вот именно это словечко — практически — и пугало. «Талантливый руководитель всегда найдёт, к чему придраться!» — в шутку любит говорить Эдик. Вся команда проекта, Алина, Эдик, Юра и Оксана, точно знала, что Снежная королева не одобряет их действий. Они рисковали и не всегда ставили Алекс в известность обо всех деталях кампании, нарушили большую часть регламентов, которые всем сотрудникам агентства пришлось подписать после ознакомления, и отдельные подписи поставили под разделом с санкциями за нарушение вышеизложенного; но не всегда было время на соблюдение формальностей, поэтому Алина самоуверенно взяла ответственность на себя. Возможно, слишком самоуверенно, но практически все, включая представителей клиента, были уверены в успехе. Так и случилось, но разве это может быть аргументом для Снежной королевы? И сейчас, проводив гостей и возвращаясь назад, в переговорку, ребята не спешили радоваться, разумно полагая, что у руководителя есть претензии к их работе.

Проект был сложным, проект был сумасшедшим, Алина с командой, уговорив клиента рискнуть, попробовали реали-

зовать оригинальную концепцию, но и предположить не могли, во что выльется вроде бы простая промоакция по продвижению полезного снека. Хотели подключить больше молодежи, а запустили настоящее социальное движение. К такому масштабу оказались не готовы, но нельзя было бросить начатое на полпути, пришлось разрабатывать новый план. По пять раз на дню приходилось принимать оперативные решения, включать в работу пиарщиков, блогеров, инфлюенсеров, работать со СМИ, отражать атаки троллей и чёрный пиар от конкурентов. И отвечать на бесконечные звонки от представителей компании-клиента, звонили все — от самого младшего специалиста до вице-президента. Алина и команда, находясь в эпицентре запущенного ими же водоворота, отчаянно пытались контролировать ситуацию.

В общем, эмоции начальства были вполне оправданны — с учётом многочисленных нарушений регламента проекта, перерасхода бюджета и полного непонимания, как теперь оформить дополнительные услуги агентства и переработку команды в сто человек по всей России в течение двух месяцев. Ну и с учётом характера начальства...

Трусливая мыслишка написать заявление об уходе и попроситься «на сторону клиента», в тихий офис, где время протекает незаметно за разговорами в курилке и неспешной вёрсткой однообразных презентаций, где есть возможность поручить любую рутинную задачу безропотному аккаунту агентства, а при желании и выплеснуть на него все свои нега-

тивные эмоции — такая мысль была у каждого. Но ледяной взгляд Снежной королевы был однозначен: никто не уйдёт отсюда, пока не разгребёт этот бардак. А потом она сама всех уволит.

Алина до боли в скулах широко улыбалась, а дрожь постепенно охватывала всё тело, вот уже колени стали стучать одно о другое; отчаянно хотелось пить, но она не могла позволить себе дезертирство, чувствуя нетерпеливо-неодобрительный взгляд Снежной королевы, замораживающий ей спину. «Теперь уже поздно бояться!» — вспомнила Алина замечательную фразу из детского фильма, разворачиваясь и решительно направляясь навстречу ледяному айсбергу неодобрения в образе Managing Director агентства.

Через полчаса всем четверым членам группы, чувствуя себя слегка забродившим овощным миксом, пришлось переждать, пока дар речи и двигательная активность восстановятся, прежде чем они смогли, абсолютно молча, выйти из переговоров.

Теперь они должны были быть уверены, что их постигла великая удача, потому что у таких неорганизованных, недисциплинированных и непрофессиональных лузеров, допустивших огромное количество ошибок и промахов, не умеющих работать с клиентом и начисто лишённых презентационных навыков, в принципе не должно было ничего получиться. Нет-нет, Снежная королева не опускалась до оскорблений и не переходила на оценку личных качеств —

такой вывод каждый сделал самостоятельно, после того как им были зачитаны все восемнадцать пунктов из списка ошибок и недочётов. И ни одного упоминания про первые данные роста продаж и хвалебные отзывы клиента.

— Вот я думаю, прямо сейчас пойти сделать себе хакари или удавиться дома, в спокойной обстановке? — грустно пошутил Эдик и, не сбавляя скорости перед едва успевшими раскрыться стеклянными дверями, вышел без верхней одежды на улицу. Алина, Оксана и Юра прошли в кафетерий, чтобы выпить горячего кофе и попытаться немного отогреться.

— Вас можно поздравить? Говорят, у вас сумасшедший успех по «печенькам»? — Рустам, директор по развитию, осёкся, взглядевшись в их траурные лица.

— Да, мы чертовски везучие дармоеды! — съязвил Юра, жадно отхлебывая восхитительно пахнущий дымящийся напиток, и даже не поправил Рустама, который, как и все, назвал инновационный продукт уничижительно «печеньками». — В конце концов мы выжили, а это уже положительный результат, так что можно считать это большой удачей, не так ли, коллеги?

— Не знаю, как вы, ребята, — наконец прорезался голос у Оксаны, — но ещё одно такое утро я могу не пережить... Какой смысл надрываться, чтобы потом получить вот такое? В... такую жизнь! — неожиданно грубо выругалась она, и бухгалтерия за соседним столиком озадаченно притихла.

— Тише, тише, — начал успокаивать её Юра, понимая,

что сейчас может разразиться позорная прилюдная истерика. — Всё уже позади. Хочешь шоколадку? Съешь, от неё, говорят, серотонин вырабатывается, и жизнь становится восхитительной и беззаботной! Заметь, это нормальная шоколадка с сахаром и какао-маслом!

Оксана злобно стрельнула на него полными слёз глазами, но вцепилась зубами в предложенный шоколад.

Алина не смотрела на них: сейчас её главной задачей было поднять невероятно тяжёлый стаканчик кофе и отхлебнуть живительного напитка. Сделать это никак не удавалось — как только она пыталась поднять двумя пальцами щедро наполненный до краёв стаканчик, руки начинали дрожать сильнее и горячая жидкость ошпаривала кожу.

— Чёрт! — вырвалось у неё, и коллеги примолкли, вспомнив о том, что ей, наверное, тяжелее всех далось сегодняшнее утро.

— Алинка, ты как? — Оксана попыталась заглянуть в её опущенное и прикрытое так кстати растрепавшимися волосами лицо. — Не переживай! Ты же знаешь, что так всегда бывает! Но клиенты довольны, это же главное! А остальные все пусть идут... далеко, в общем! — прошептала она, косясь на шпионов из бухгалтерии.

— Я в порядке. — Алина откинула волосы с вновь порозовевшего лица. — Просто не выпалась. До двух часов ночи учила презентацию, чтобы сегодня всё сразу же забыть! Вот почему так бывает?! Хотя я знаю почему: все из-за нее!

— Алина добавила это шёпотом, но ребята поняли, кого она имела в виду. В агентстве все без исключения робели перед руководителем, Снежная королева умудрялась заморозить душу каждого, даже не делая никаких замечаний и внешне оставаясь вроде бы равнодушной.

— Я так надеялась, всю дорогу молилась всем богам вселенной, только бы... (пауза, Алина огляделась, вроде никто не слышит) только бы она не пришла на встречу!

— Когда это ты видела, чтобы она не пришла? Она же как глобальная сеть, с ней ничего не может случиться, она контролирует всё, даже наше сознание, даже когда мы спим! — так же тихо прошептал присоединившийся к группе Эдик.

Чем больше Алина узнавала своего руководителя, тем больше ужасалась. Снежная королева была просто киношным монстром, в лучших традициях Диснея. Она действительно держала всё и всех под контролем, у нее в агентстве была жесткая дисциплина и дресс-код: «Ах, где мои любимые шорты и шлёпки!» — часто вздыхал Юра, вспоминая времена, когда все креативщики наряжались в офис более чем неформально. Сейчас действия рабочих групп регулировались кучей инструкций, каждая презентация была стандартизирована, выверялась и отшлифовывалась по пятнадцать кругов правок, пока не удовлетворяла Александру. Алина не ожидала такого формата работы в агентстве, занимающемся креативными и нестандартными рекламными проектами.

— Ну ладно, проехали! Юра, где твоя шоколадка? — Алина ужасно устала, хорошо бы сегодняшний день не принес более никаких сюрпризов! Самое обидное, что после «промывки» у начальства Алинины коллеги через некоторое время, требующееся на восстановление, смогут вновь спокойно вернуться к работе и заняться новыми проектами, а вот она, Алина, вынуждена ждать ещё более неприятных разборок.

Алина прошла на чёрную лестницу и поднялась наверх. Сюда, к круглому мансардному окошку, она сбегала, когда было необходимо подумать или прийти в чувство после очередной неудачи. Здесь она делилась переживаниями с редующими кронами старых лип, мужественным строем защищающими их маленький уютный особняк от многоэтажных гигантов Сити, блестящих полированным гранитом и тонированными стёклами окон. Алине казалось, что деревья смогут защитить и её, такую маленькую и слабую, ведь они, такие высокие, мощные, мудрые, мускулистыми ветвями сдерживали урбанистический хаос, бушующий снаружи. Алина прижалась горячим лбом к прохладному, забрызганному дождём стеклу и попыталась успокоиться.

«Я все могу, я справлюсь. Я сильная, я мудрая, я спокойная!» — шептала она и чувствовала, как теплеет от ее разгоряченного лба стекло, дрожь постепенно отпускает, в голове

проясняется. Правда, не прояснялась ситуация в целом.

От этого проекта зависело будущее Алины, ее карьера. Но после разговора со Снежной королевой Алина не могла понять, считать проект провальным или всё же успешным? Только их замечательный руководитель может вот так запутать ситуацию! Александра вроде бы не отрицала позитивные результаты кампании, но совершенно беспощадно разгромила все действия команды.

«Ну почему у меня всё всегда так? Вот, в голове порядка нет, так и в жизни — сплошной бардак! — самокритично подумала Алина. — Почему другим людям всё в жизни удастся, причём легко и весело, а мне приходится нечеловеческими усилиями выбивать у судьбы каждую незначительную мелочь?

Вот, например, Снежная королева: прекрасная должность, высокая зарплата и всякие там годовые бонусы (говорят, апартаменты в Черногории себе купила!), а ведь мы, кажется, ровесники. Кто бы мог подумать! Но ей нет необходимости сломя голову лететь домой, чтобы забрать ребёнка из детского сада, выгадывать каждый рубль, чтобы позволить себе поездку на море в отпуск или полночи сушить феном детские сапоги, потому что пришлось незапланированно стирать их, настолько были грязные. Прекрасный юный принц заезжает за Снежной королевой на роскошной машине, они ужинают в пафосном ресторане на Тверском бульваре, а утром водитель подгоняет её джип к подъезду. Алек-

сандра не тратит время на магазины и очереди, она закончила МГИМО или что-то подобное, имеет степень МВА (*Прим.: Master of Business Administration — бизнес-образование для менеджеров среднего и высшего звена*), дружит с олигархами и звёздами шоу-бизнеса. Её приглашают на церемонию вручения ТЭФИ в Кремлевский дворец и на Тенерифе с Cosmopolitan. У неё отменное здоровье, прекрасная фигура, и она никогда не мучается угрызениями совести, позволив себе неприлично калорийный десерт...

А я три раза пыталась поступить на журфак МГУ, потом три года работала промоутером чтобы оплачивать учёбу в малоизвестном коммерческом вузе, а теперь стесняюсь показать кому-либо свой непрестижный диплом. Десять лет пробегала корреспондентом сразу нескольких изданий, но так и не смогла заработать тёплое место автора какой-нибудь самой маленькой рубрики. Просто такой дуре, как я, потребовалось целых десять лет, чтобы понять, что не каждую стену можно пробить лбом. И что мой лоб недостаточно талантлив, чтобы ее пробить. И что другие журналисты обходятся без этого, находят потайные дверки и прекрасно себе существуют с авторскими колонками и стабильной официальной зарплатой в дополнение к повышенному гонорару... Я поздно это поняла.

А чего мне стоили двенадцать месяцев работы в пиаре крупной французской компании дистанционной торговли? Забыть, забыть, чур меня, чур!»

И тут же Алина вспомнила о самом главном своем провале: об Олеге. О невыносимо длительной и бесплодной попытке создать с ним семью, со взрослым, успешным мужчиной, таким харизматичным, а ведь он обратил внимание именно на нее, это так льстило.

«Ну и получила ты за свою наивность! Думала, что ребенком сможешь его привязать? Привязала?» И тут же сама себе отвечала: «А ну и ладно, и отлично, что избавилась от него вовремя, зато у меня есть Илья!» Хотя нет, не избавилась: Олег не желал отпускать ее, время от времени неожиданно возникал, кажется, просто чтобы позлить. Да еще его мамаша вызывала опасения: она явно присматривалась к Илье, просто, как поняла Алина, ждала, когда мальчик вырастет и не будет доставлять много хлопот. А все потому, что сообщила: других внуков ждать не стоит.

«Ничего, я справлюсь! У меня все получится, вот увидите! — угрожала Алина, и липы ободряюще покачивали корявыми ветвями. — Я и так уже многого достигла, я ведь руковожу группой! Несмотря на все бесконечные и унижительные собеседования, через которые я прошла, когда приходилось доказывать, что я чего-то стою! Везде требуются только специалисты с опытом работы. Желательно от трёх лет. Доходит до абсурда: даже на позицию ассистента требуется человек с опытом работы не менее года! Можете представить себе работничка, который и через год работы претендует только на позицию ассистента?» — Алина уже перестала жалеть се-

бя, сейчас она чувствовала нечеловеческую злость. Вспомнила, как пыталась убедить бестолковую девицу, HR-менеджера агентства, что её опыт в журналистике нельзя сбрасывать со счетов. Но девица была обучена по западным стандартам: она упрямо твердила про стаж работы в маркетинге, желательно в сетевых агентствах и предлагала начать с позиции помощника. Алина тогда не выдержала и достаточно агрессивно привела ей пять доказательств своей правоты, собрала папку с портфолио и на выходе наткнулась на свою будущую начальницу, которая с интересом наблюдала за торгом, стоя в дверях за её спиной.

Наверное, тогда в первый и последний раз Алина видела, как Снежная королева улыбалась, но в тот момент она сама была настолько разъярена, что не могла с позитивом воспринимать ситуацию. Результат оказался поразительным — её приняли, причём на должность group head, правда, с оговоркой «и.о.», но также с обещанием снять эту унижительную приставку после первого успешного проекта. Или уволить в случае его провала...

Определить же, успешным или провальным был проект, Алина не могла. Никто не мог, кроме Снежной королевы.

«Ладно, подождём. Посмотрим, что будет... Если сегодня меня не вызовут — то до понедельника Александра будет занята более важными встречами, значит, есть целых пять дней, чтобы подготовиться к худшему», — философски изрекла Алина, с трудом оторвавшись от умиротворяюще-про-

хладного окна, и заставила себя спуститься вниз и принять свой привычный деловито-энергичный облик.

«Верочка окажется права... Придётся отдать машину и опять ездить на работу на метро. Вопрос ещё, на какую работу. В центр «Мои документы», вероятно, можно будет устроиться... Или в парикмахерскую на ресепшен... А вдруг я там кого-нибудь знакомого встречу? Вот позор будет!» — Энергично щелкая клавишами, пролистывая почту, открывая-закрывая файлы, Алина только изображала бурную деятельность, а на самом деле ловила себя на том, что, уставившись невидящими глазами в монитор, мысленно просчитывает все возможные последствия своего позорного увольнения. Ей придется водить ребёнка в детский сад пешком. Вернее, носить на руках, потому что утром он отказывался идти сам, оттого что ещё не проснулся, а вечером — оттого что слишком устал, бегая на площадке.

«Да, кстати, Илью придётся перевести в муниципальный детский сад — за этот нечем будет платить... Но у нас такой хороший садик, Илюшке там нравится! А уж мне как нравится... Бассейн, психолог, логопед и, главное — режим работы до 20:00, а в старших группах обещают летние смены...»

— Ну так как, Алинка, ты согласна? Алина?! Эй! — Оксана пощёлкала пальцами перед её лицом. Алина с трудом

вышла из своих мыслей и не сразу нашлась, что ответить.

— Прости, я задумалась! Никак не могу решить, чем в первую очередь заняться, — оправдалась Алина, пытаясь сообразить, чего от неё хотят.

— Я насчет пойти и напиться в пятницу вечером — нужно снять стресс и всё такое!.. У нас там был в обед запланирован командный тимбилдинг, так, может, ну его, этот кулинарный мастер-класс, нам всё равно не дадут расслабиться в рабочее время? Просто вечером напьемся?

— Да, напиться и снять стресс — звучит заманчиво! Чертовски заманчиво! Только Илюху надо пристроить... — Алине вдруг безумно захотелось пойти с ребятами в бар и расслабиться как следует. В конце концов, несмотря ни на что, она это заслужила!

— Ну позвони вашей, как там... Верочке! Ты же говорила, она сама предлагала помощь с ребенком!

— Предлагала... только я отказалась...

Зря, конечно, она так сделала. Верочка имела необыкновенное свойство: звонить в самый неподходящий момент. Например, когда Алина тащила на руках сына, рюкзак с его грязными вещами из сада и пакет с продуктами, тяжелый и с оторванной ручкой; от машины, которую не удалось припарковать рядом с подъездом. Поэтому Алина была немного на взводе, в лифте написала, что занята, говорить не может, а если Верочке срочно что-то нужно, то пусть напишет. Ну та и написала, как всегда кратко, она, кажется, до сих пор счи-

тала, что в мессенджерах нужно, как в смс, платить за каждое слово и ее сообщения больше были похожи на телеграммы. В своей телеграмме Верочка предлагала забрать Илью из сада «если не справляешься».

«Это я не справляюсь?! — возмутилась Алина. — Я справляюсь лучше всех! Нет, даже лучше лучше всех! И мне не нужна ваша помощь! У меня вообще все круто, и скоро вы все поймете, чего я добилась!» Конечно, она ответила не так, намного суше, но все равно теперь не сможет просить Верочку о помощи, точно не так быстро. И точно не после недавней нотации Верочки о том, какая она, Алина, плохая мать: желание пойти и напиться не будет аргументом в её пользу.

— А няня? — не теряла надежды Оксана.

— С нянями покончено! — Но Алина уже не могла, ни за что не могла отказаться от похода в бар с коллегами. — Есть еще, конечно, вариант... не уверена...

— Ну давай, ну Альк, ну что такого — просто присмотреть за малышом!

— Ну попробую... попросить его папашу... — И тут же Алина ужаснулась от собственных слов, ведь она поклялась никогда ни о чем не просить Олега. Но сейчас она была готова даже на унижение, только бы немного отдохнуть: — Может, он согласится забрать его...

Снова выйдя на лестницу, Алина нашла номер Олега и, помедлив пару секунд, вдохнув-выдохнув глубоко несколько

раз, зажмурилась и нажала кнопку вызова. Сказать, что ответ прозвучал нерадостно, — это было бы слишком бледно: Олег ответил так, словно Алина названивала ему ежедневно и успела утомить своими просьбами. Алина никогда ничего не просила у Олега — гордость не позволяла, но при последнем разговоре он неожиданно высказал готовность «как-нибудь» пообщаться с сыном, поэтому в ответ на раздраженное «Слушаю» Алина проглотила нахлынувшую горечь и как можно более будничным голосом поздоровалась:

— Олег, привет.

— Чем обязан? — вместо приветствия услышала Алина, и пришлось сделать еще один глубокий вдох, чтобы сохранить спокойствие.

— Ты вроде говорил, что тебе не хватает общения с сыном? Могу предоставить тебе такую возможность! — (Глупо, очень глупо...)

— Что это значит?

— Это значит, что если бы ты мог в пятницу забрать Илью из садика, то было бы замечательно...

— Хочешь использовать меня в качестве бесплатной няньки? — «А вот и началось», — подумала Алина, но вслух сказала: — Нет, но мне нужен свободный вечер, вот я и подумала, что можно совместить полезное с приятным... но я так подозреваю, этот вариант тебе не подходит...

— Да, не подходит. Я буду видаться с сыном, когда сам этого захочу, а не когда это удобно тебе!

— Договорились, только боюсь, что если в ближайшие пару лет ты так и не захочешь, то он просто-напросто забудет, кто ты такой! — Алина с силой нажала на кнопку отмены и едва не отшвырнула телефон.

Почему-то сейчас Алине вспомнился именно тот, самый травмирующий душу день, когда она готовилась сказать Олегу о своей беременности. Она до сих пор не понимает, зачем это потребовалось, ведь исход разговора был ясен с самого начала, но тогда Алина плохо соображала, ее раздирали самые разнообразные, зачастую противоречивые эмоции: от панического ужаса до гордости от осознания, что она является хранительницей настоящего чуда.

Как она волновалась, как готовилась к встрече, понимала, что не сработает, но втайне от самой себя все же надеялась на чудо! Она многократно мысленно проигрывала предстоящий разговор, перечитала кучу советов и посмотрела даже несколько фильмов, начиная с «Москва слезам не верит» и заканчивая... не важно, слишком больно, потому что получилось в точности как в кино.

Она ждала в кафе на первом этаже его дома, за их столиком, Алина одна так его называла. Был вечер, рядом разыгрывали квиз, компания разновозрастных соседей уютно разместилась за большим столом. Алина отметила, что неко-

которые даже пришли в домашней одежде, а на ногах одной из девушек она разглядела пушистые тапочки с собачьими ушами.

Олег появился эффектно: весь в белом. Он прекрасно знал, что Алина ждет его у окна, но все же помедлил в дверях, вроде как осматриваясь, а на самом деле ожидая достойной реакции на свой наряд: изящную водолазку со скромной вышивкой BOSS и, видимо, того же бренда джинсы. И даже его высокие ботинки были белыми. Подняв подбородок с аккуратной хипстерской щетиной, подернутой, несомненно, элегантной сединой, Олег оглядывал собравшихся, уверенный в собственной неотразимости, но посетители кафе были немного заняты и не отдали должное элегантному луку. Сложив веер своего роскошного хвоста, слегка раздраженный, Олег прошел мимо неблагодарной публики и подсел к Алине, не здороваясь.

— Ну что? — Он не скрывал раздражения, Впрочем, как обычно.

— Хотела тебе сказать... — замялась Алина и оперативно, как в промотанном вперед сериале, предугадала реакцию Олега на известие.

Это было откровение, неожиданное, но очень своевременное. За что судьба наградила им Алину, она не знала, но позднее искренне радовалась, что наконец нашла в себе силы поставить точку в унижительных для нее отношениях. Поэтому она сказала совсем не те слова, что продумала

заранее, но позже поняла: то был единственный раз за все почти десять лет их знакомства, когда Алина интуитивно среагировала достойно. Она сумела произнести самым будничным и внезапно спокойным тоном:

— Хотела тебе сообщить: у меня будет ребенок. Ты его биологический отец, но я считаю, что принимать участие в его воспитании тебе нет необходимости. Просто ты должен знать, раз такое дело. И еще... — Она посмотрела на него. «Жалкий павлин, что я нашла в нем? На что надеялась?»

— Я считаю, что наши отношения далее не имеют смысла. Мне от тебя больше ничего не нужно, теперь у меня все есть... — улыбнулась Алина, произвольно положив руку на свой еще плоский живот.

Она спокойно посмотрела ему в глаза и ужаснулась своей прежней глупости, своей наивности: «Дура, куда я смотрела раньше!» У него было такое растерянное, беспомощное, жалкое лицо, он ведь еще никогда не был в такой роли — отвергнутого. Казалось, он сейчас заплачет, как маленький ребенок, у которого отобрали конфету: сморщив лоб и скривив рот. Олег застыл и не нашелся, что ответить. Алина ощутила поднимающуюся дурноту.

— Я пойду, передай маме пожелания крепкого здоровья! — также мужественно, не дрогнув сказала Алина, но это был максимум, на что ей хватило сил. Она не смогла доиграть спектакль до конца, вскочила, едва не забыв сумочку, и

вылетела из кафе. Пробегая мимо витрины, Алина смутно различила «навлину», все еще сидящего за столиком у окна.

Она никогда прежде не ощущала такой сладкой эйфории победителя.

Неспешно спускаясь вниз в попытке остыть, Алина с ужасом обнаружила, что Алекс уже одета и готова отбыть на встречу с клиентом — осознание, заставившее мгновенно застыть кровь в жилах и тут же пустившее её в бешеную гонку от головы к внезапно ослабевшим ногам; осознание, что она не принесла Алекс требуемую распечатку, пришло к Алине одновременно с брошенным вскользь напоминанием Александры. Алина сорвалась с места, чуть не навернувшись на лестнице, бросилась к своему столу, свалила кипу бумаг, так некстати попавшуюся под руку и завалившую нужную распечатку. Долго, бесконечно долго сортировала дрожащими от спешки руками листы по порядку и, уже выбегая из офиса вслед за Алекс, пыталась вложить их в брендерированную папку. Она чуть было не сшибла случайного пешехода, но успела вручить материалы Александре, притормозившей с решительного шага на более спокойный на подходе к ожидающему её автомобилю.

«Что-то многовато отрицательных эмоций для одного дня», — думала Алина, возвращаясь в офис; ей вновь стало

жалко себя до слёз, пришлось задержаться ещё на несколько минут, чтобы губы перестали дрожать и можно было изобразить некое подобие улыбки. Ей безумно захотелось пойти с ребятами в бар, словно один вечер отдыха мог серьёзно исправить ситуацию. Исправить не мог, но хоть на пару часов забыться и отключиться от всех проблем под приятную музыку с бокалом коктейля и в хорошей компании... Алина была готова на всё ради небольшой передышки. «Ладно, сейчас — работать, а потом я подумаю, куда же пристроить моё сокровище!» — изрекла она, возвращаясь к хаосу вокруг своего рабочего места.

Алина

Вообще-то сокровище ей досталось, надо сказать, непростое. Алина прекрасно осознавала, что сын — всего лишь мальчишеский вариант её самой в детстве, но в детстве себе лично она хлопот не доставляла, а вот Илья иногда становился просто невыносимым. Верочка отказалась оставаться с ним наедине, когда ему исполнилось два и он повадился сбегать от неё на детской площадке. Илюша залезал на высокую горку и спокойно расстреливал Верочку из игрушечного автомата, пока та бегала внизу и умоляла его спуститься. Когда она, отчаявшись увести его домой, всё же решалась подняться вверх (и кому пришла в голову идея построить такую ужасную горку?) и уже готова была, цепляясь за шаткие поручни, преодолеть огромную дыру в деревянном настиле, мальчик спокойно перевешивал автомат на спину, скатывался с горки на животе и снизу с любопытством наблюдал, как Верочка, причитая, пытается спуститься по крутым ступеням.

Районный детский сад, в который пришлось определить Илью в ясельную группу, Алина вспоминать не любила. Там сын внезапно впал в младенчество и разучился ходить на горшок, перестал разговаривать, но зато научился кусаться и сморкаться в занавески. С формулировкой «ребёнку необ-

ходимое наблюдение специалиста» им было предложено направление в коррекционное учреждение. Алина предложила заведующей также посетить аналогичное заведение для взрослых и прихватить с собой заодно воспитателя и обязательно няню и поняла, что бесплатное дошкольное образование для её ребенка не вариант.

В частном садике к вечеру первого Илюшиного дня, когда Алина всё же смогла уговорить его одеться, чтобы идти домой (просто все дети уже разошлись, Алина с воспитательницей убрали все игрушки, и охранник уже стоял на пороге и недвусмысленно позвякивал связкой ключей), воспитательница только деликатно заметила: «У вас такой... энергичный мальчик!..» Алина облегчённо вздохнула, но всё же старалась не встречаться с другими родителями, которые как-то осуждающе смотрели на неё и ребенка. Налил Давиду в борщ киселя, покрасил Алёнке косичку, утопил всех кукол в унитазе (девчонки жадничали!) — Алина каждый вечер с содроганием открывала калитку садика: что сегодня натворил её *infant terrible*?

Зато Илюша просто очаровал всех своим актёрским мастерством — просидев весь первый новогодний праздник под ёлочкой и под хохот родителей выбравшись оттуда только для получения подарка, он вдруг решил всё же принять участие в представлении и заявил, что сможет рассказать «Тараканище» Чуковского наизусть. На десятой строфе Дед Мороз отделался от него вторым подарком и сбежал на

праздник в старшую группу, а воспитатели решили, что в будущем, во избежание срыва мероприятия, энергию Ильи полезнее направлять в правильное русло. Теперь все роли отрицательных персонажей были его: он изображал крокодила, укравшего солнце, волков и медведей, злых охотников, пиратов и Бармалея. И делал это великолепно! А вот роли зайчиков и снеговичков ему не давались, поэтому в каждый сценарий, неблагоразумно лишённый ярких ролей, вносились определённые коррективы.

Детский сад — это прекрасно, но только до восьми вечера. Алина забирала сына последним, уже в темноте, и обычно, только зайдя с ним в магазин, замечала, какой поросёнок ей сегодня достался.

— Илюша, детка, постой тут, в уголке, а то продавцы подумают, что я беспризорника на улице подобрала... Нет, пойдём лучше со мной, вдруг решат сдать тебя в полицию...

Илюша, довольный, бежал в отдел игрушек, усаживался там на пол с очередной машинкой и в обмен на игрушку даже соглашался дойти пешком от стоянки до квартиры.

Но после сына нужно еще накормить, помыть, заставить почистить зубы и, что самое тяжелое, попытаться уложить в постель. Хотя чаще всего получалось, что Алина, утомлённая борьбой с сыном, засыпала раньше, сидя на полу в его комнате, а потом, проснувшись с затёкшей шеей, находила его спящим где-нибудь под столом в куче изорванных книжек или с её разрядившимся мобильником в руках. Её дру-

зья уже свыклись с ночными Илюшиными звонками, а вот коллегам и тем более клиентам пока не следовало бы общаться с её сынишкой... Алина как зеницу ока оберегала отдельный рабочий телефон, хотя что-то ей подсказывало, что не далёк тот день, когда Илюха доберётся и до него.

До пятницы Алина так и не смогла придумать, куда пристроить ребёнка, поэтому вместо пивного ресторана, куда отправилась неожиданно большая компания желающих «снять стресс» (впрочем, коллеги пообещали Алине, что, когда она сможет, все соберутся в том же составе), Алина зашла во французскую кондитерскую и накупила кучу всяких жутко вредных для фигуры вкусностей. Потом в супермаркете решила побаловать себя пахучим сыром, захватила бутылочку ирландского кофейного ликёра, баночку красной икры и крабов в собственном соку, нарезку хамона, завершила натюрморт коробочкой маленьких сладких жёлтых помидорчиков, парочкой спелых манго для себя, клубникой и голубикой для Ильи. И ещё добавила шикарного шоколадного Волка из «Ну, погоди!» в белом кабриолете, так заманчиво и удачно выставленного прямо около кассы. На затерявшуюся в сумочке наличную купюру Алина купила у бабушки, торгующей на выходе из подземного перехода, вязанные из козьей шерсти носочки, себе и Илюшке, одинаковые. За-

грузила всё это богатство в машину, оставив на сидении для Ильи шоколадного волка — салон вокруг детского кресла, несмотря на всяческие защитные приспособления, всё равно настолько грязный, что пара следов перепачканных шоколадом детских лапок уже не испортят картину.

С помощью шоколадного волка они достаточно оперативно покинули детский сад несмотря на то, что там оставались «незабранными» ещё целых три ребёнка. Илья был какой-то странно тихий, в машине даже удалось усадить его в кресло и пристегнуть, не прибегая к насилию и угрозам, он не стал открывать шоколад, правда, не выпускал коробочку из рук.

Дома Алина заявила: «Долой правила и условности!» — и бросила прямо на пол в прихожей мокрый Илюхин комбинезон и покрытые коркой грязи сапоги: «До завтра не протухнут!» Она прогнала укоризненно покачивающий головой призрак Верочки, в очередной раз помечтав, как бы сменить квартиру, чтобы избавиться от него навсегда.

— А я не буду руки мыть, — сказал Илья и спрятал лапки за спину.

— Да пожалуйста, но физиономию вымой — у тебя щека фломастером разрисована.

Одураченный ребенок пошел отмывать фиолетовую полосу со щеки и придумывать на завтра козни Алёнке.

— Глупыш, завтра суббота!

— Это выходной?

— Да!!!

— Садик не работает?

— Нет!!!

— Тогда я не буду спать ложиться, — нашелся Илюха и даже обошел её, разбирающую пакеты, чтобы посмотреть на реакцию от его заявления.

— Да пожалуйста, не ложись. Сегодня всё можно — будешь ночью меня сторожить.

— Как это? — удивился ребёнок. — Я не умею сторожить!

— Ну, возмёшь своё новое ружьё, встанешь вот тут, у двери, как солдат в карауле, и будешь следить, чтобы никто не проник в квартиру.

— Я не буду сторожить! Я буду мультики смотреть!

— Да пожалуйста, — опять согласилась Алина и подумала: «Да не буду я сегодня с тобой бороться, слишком устала!»

Обескураженный Илья ушёл в свою комнату, но через несколько минут с новым энтузиазмом подал оттуда свой голосок:

— А я ужинать не буду! Я шоколадку съем! Мама! Слышишь? Всю съем!

— А я съем бутерброд с красной икрой, краба с помидорами, сыра с грушей, пирожное с кремом и круассан с шоколадом! Выпью ликёра и «Экстра-Ситро»! Вот! — И в ответ на недоумённое молчание Алина прокричала: — На полу перед телевизором! Хочешь со мной?

Илья молчал несколько минут, потом тихонько появился на пороге гостиной, постоял, видимо, в раздумьях, но всё же

нашёлся:

— А я буду есть руками и чавкать! — уже менее решительно произнёс маленький упрямец. Алина тяжело вздохнула: чавкать — это уже чересчур, этого она просто не выносит, но сегодня пусть чавкает, чмокает и хрюкает, сколько ему хочется.

— Валяй, только я сделаю телевизор погромче и отодвинусь от тебя подальше, чтобы не слышать.

Илья сел по-турецки рядом и начал действительно довольно шумно поглощать пирожное, а свободной рукой держал бутерброд с икрой. Роняя крем на пол, он запивал газировкой, заедал ягодами, помидорами и даже сыром с плесенью.

— Не отодвигайся, я не буду чавкать, — вдруг сдался сын и залез к маме на колени, откинув голову назад, больно вдавив круглый затылок ей в ключицу. Алина поставила на пол бокал с ликером, прижала сына поудобнее и поцеловала вкусно пахнущую родную макушку.

Они долго сидели обнявшись, пока Илья, видимо, задремав, не уронил ей на колени остатки пирожного. Рассмеявшись, стирали крем, вернее, стирать пыталась Алина, а Илья в восторге только размазывал крем по её ноге. А потом вдруг подставил ей ладони, чтобы она вытерла и их, и, смешно выпячивая подбородок, позволил оттереть перемазанную мордашку. Егохватило только на полмультика про монстров, когда он, уже с закрытыми глазами, попросил от-

нести его в кровать. Алина переодела Илью в пижаму с «тачками», вспоминая, как вроде бы совсем недавно он был беспомощным малышом, который не умел говорить «Не буду!» и «Не хочу!», и она просто укачивала его на руках, чтобы он заснул.

Илюшка перевернулся на живот, подложив под щёку пухлую ручку, Алина включила ночник и присела на край кровати полюбоваться на спокойно спящего ангелочка.

— Что, устал сам от себя, горе моё?.. — пробормотала Алина совсем тихо, но Илья вдруг перевернулся на спину и открыл широко свои огромные тёмные глазщи:

— Мам, а где папа? Почему он не приезжает? — Пока Алина сквозь мгновенно выступившие слёзы пыталась подобрать слова для ответа, Илюша опять закрыл глаза и даже повернулся на бок, но всё же пробормотал:

— Алёнку папа нёс на плечах... как лошадка... Папа придет... и покатает меня...

Илюшка спал плохо. Приходил к маме ночью несколько раз, жаловался, что урчит живот, на боль в ногах, ему было страшно, жарко, тесно. Алина успокаивала, водила в туалет, давала лекарство, относила сына на руках назад, в кровать, но потом сдалась и обустроила ему место рядом с собой. Угомонился он почти под утро, они проспали полсубботы.

Потом выяснилось, что у Ильи немного повысилась температура, вечером спать не хотелось, допоздна смотрели мультфильмы. В воскресенье Илья разбудил ее рано, Алина еще бы поспала, но сын потребовал отвезти его в парк аттракционов. Они торговались полдня, в конце концов Алина сдалась, Илья выглядел практически здоровым, и она решила, что небольшое развлечение не повредит.

Они отправились в старый парк, в котором Алина гуляла с подружками, когда училась в школе, кажется, там даже сохранились некоторые аттракционы с тех пор. Проехали пару остановок на автобусе, Илья был в восторге, потому что автобус оказался электрическим, он разгонялся плавно, с протяжным гулом, Илюша вторил ему и пытался устоять на ногах, не держась за поручень, а еще он успел списать несколько поездов с карты, пока Алина припарковывала неосмотрительно захваченный с собой самокат.

День был теплым, солнечным, газоны усыпаны яркой листвой, но по обеим сторонам дорожки стояли еще нарядные молодые дубки. При каждом дуновении ветерка, плавно раскачиваясь и приятно шурша, на землю осыпалось немного листвы, любоваться этим можно было бесконечно. В конце желто-красного туннеля мелькали огни каруселей, там, впереди, раздавались крики детей и гремела музыка, а здесь было тихо и уютно, Алине казалось, что они попали в сказочный мир. Она твердо решила, что сегодня не будет привычной торговли по поводу покупок сладостей, что она раз-

решил сыну покататься на всех аттракционах, на которых он захочет. Сегодня они оторвутся!

Илья был счастлив! Пока они шли по аллее к зоне каруселей, он гонял вокруг Алины на самокате и, делая крутой вираж, подъезжал к ней и на каждом витке уточнял, действительно ли ему будет разрешено покататься везде, где он захочет. Вот прямо везде-везде? И на пиратском корабле? И на больших качелях? А батут можно? Алина улыбалась, не могла налюбоваться на сына, и казалось, что жизнь прекрасна.

Даже свалившись с самоката, потому что смотрел назад, на маму, в очередной раз переспрашивая: «А на автодром тоже можно? А сколько раз на батуте?» — Илья не стал плакать, позволил оттереть салфеткой перемазанные ладошки и бодро поехал дальше.

Но вскоре всё разладилось. Пока они стояли в кассе и решали, куда брать билеты, Илья ещё держался. Но когда, забрав охапку разноцветных квиточков, они направились к аттракционам, он уже не мог терпеть, эмоции переполняли его. Илья спешил, выхватывал билеты, кричал, требовал, чтобы она шла быстрее. Он толкался, не хотел стоять в очереди на вход, то пытался пролезть под барьером и попасть без очереди, то срывался и летел к другой карусели, где, как ему казалось, было меньше народу.

Илья закатил жуткую истерику на автодроме, потому что хотел ехать в машинке один, а ему не разрешали без сопровождения взрослых. Он зашёлся визгом на цепочной карусе-

ли, потому что испугался и требовал остановить. То просил мороженое, но сразу выбрасывал его прямо посреди дорожки; требовал воздушный шарик, сладкую вату, палки-стулочки, радиоуправляемую машинку. Потом облил мылом для пузырей маленькую девочку. Алина, отягощённая самокатом, бегала за сыном, то снимая его с ограждения, то извиняясь, забирала от охранника, вовремя поймавшего Илью, намеревающегося с разбега вскочить в уже движущийся паровозик.

Запихнув Илью на батут, Алина надеялась перевести дух, когда услышала сзади радостный вопль.

— Алька, ты что ли?!

Алине катастрофически не хотелось оборачиваться, нет, только не сейчас, не когда Илья затеял возню с каким-то мальчиком, там, на батуте, за выцветшей на солнце пальмой.

— Алинка! — Голос был настойчив.

«Это Ленка...» — обреченно отметила Алина и изобразила самую широкую и лживую улыбку, на которую была способна. Пальма раскачивалась, за ней явно шла борьба.

— Ленусик, рада тебя видеть! — слащаво протянула Алина в тон бывшей однокласснице и постаралась не терять из видимости Илью, который прекратил толкать мальчика, и теперь они оба увлеченно пытались отодрать злосчастную пальму. — Как ты? Сто лет тебя не видела! — выдала банальщину Алина после не слишком теплых объятий.

Пальма трепетала, вялые плети, изображающие листья,

лупили детей по головам. Мальчикам это показалось забавным, они стали прыгать вдвоем, держась за руки.

— Ой, лучше всех! — не могла не похвастаться Ленусик и затараторила, пытаясь как можно объемнее описать все свои достижения за последние десять лет. У Ленусика действительно все было обалдеть как круто: богатый муж, идеальная дочь и очаровательный сын, загородный дом, Мальдивы и собственный косметолог... Все было «лучше всех», от каждого повторения этой фразы у Алины что-то сжималось в животе. Батут сотрясался от неистовых прыжков Ильи и его нового друга, раскачивался все сильнее и сильнее.

— А ты как? Говорят, замуж так и не вышла?

Алина не смогла придумать, что ответить, Илья изменился в лице, кажется, что-то произошло. Хорошо бы отделаться от Ленусика!

— Ой, прости, мне нужно бежать! Приглашена в ресторан, — зачем-то соврала Алина. А на батуте происходило что-то странное: Илья упал на четвереньки. Что с ним?

Алина спешно прощалась, обещала написать в общем чате, что-то еще под зарождающийся за пальмой вой Ильи. Она еле отодрала от себя Ленусика, обежала вокруг детской площадки, чтобы замести следы, а вой на батуте все нарастал и усиливался, уже кричали и дети, и взрослые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.